

Евгений Голубовский

И море, и Гомер -
все движется любовью...

Евгений Голубовский

**И море, и Гомер – всё
движется любовью...**

«Алетейя»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Голубовский Е. М.

И море, и Гомер – всё движется любовью... /
Е. М. Голубовский — «Алтейя», 2022

ISBN 978-5-00165-417-9

Эта книга задумана как своеобразный дневник, но построена не по датам календаря, а по темам. Имя Евгения Голубовского широко известно, он создатель и редактор газеты «Всемирные Одесские новости» всемирного клуба одесситов, вице-президентом которого он является, более 20 лет заведовал отделом культуры газеты «Вечерняя Одесса». Автор ежедневно вёл записи в фейсбуке, рассказывая о культурных событиях в любимом городе – выставках, концертах, новых книгах и новых авторах, о себе и своих друзьях, о любимых художниках и писателях, впрочем – и о нелюбимых тоже, но уже в другой интонации. Конечно постов даже за один год набралось много больше, чем может вместить даже большая книга. Поэтому и тут произошел отбор. Автор старался представить читателю очерки и эссе об Одессе, о знаковых фигурах в жизни города. Так возникла книга – «И море, и Гомер – все движется любовью» В названии использована строка из стихов Осипа Мандельштама. По конструкции и по темам книга продолжает уже опубликованные две книги Евгения Голубовского «Глядя с Большой Арнаутской» и «Мои 192 ступени». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-417-9

© Голубовский Е. М., 2022

© Алетейя, 2022

Содержание

Признание в любви	8
Олег Губарь	9
Кое-что о себе	11
Беседую со Снеговым	11
Ма-ма! Ма-ма!	15
Проверка на вшивость	17
Девушка нашей мечты	19
Как я открыл Пикассо	21
Ёлка	23
Живая библиотека должна работать!	24
Кое-что о друзьях	30
Пик Блещунова	30
Семён Лившин шутит	34
Волшебник Резо	37
Концерт	39
Познавший одесский «Двор»	42
«Тщательнее»	45
Профессор с лопатой	47
Боречка	49
Рождённый в содружестве	51
Цена свободы слова	54
Одарён по-царски	56
Праведница	59
Доброжелательность как закон	62
И о Борисе Нечерде	64
Человек Мира	65
Писательский архив Розенбойма	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Евгений Голубовский

И море, и Гомер – всё движется любовью...

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Е. Голубовский, 2022
© О. Губарь, предисловие, 2016
© А. Голубовская, фото, 2022
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

* * *

Признание в любви

Что заставляет меня, 85-летнего человека, садиться перед компом, писать.

Если одним словом, то – любовь.

Любовь к родному городу. Одесса всегда была достойна любви. Да, она меняется, не всегда в лучшую сторону. Да, её целенаправленно разрушают... И всё же, всё же, всё же...

И шум волн тот же, что при Пушкине, и запах акации тот же, что при Жаботинском... И пришла строка Мандельштама, без которой уже не мог представить книгу – «...И море, и Гомер – всё движется любовью.»

Написал – книга. Но книга – это не жанр, я сложил из своих записей в фейсбуке не календарь, а лирический дневник. Мои отклики на даты и события, книги и писателей – читателей.

Любовь к своему читателю. К тому, кто не бросил читать книги, ходить на выставки, слушать музыку. Вы скажете – их всё меньше. Тем больше их нужно любить, поддерживать огонёк сотворчества.

Год тому я, поддавшись уговорам дочери и друзей, сложил дневник своих постов из фейсбука за 2018 год. И тогда же обещал – ебж – так Лев Толстой шифровал – если буду жив – в этом, 2021 году собрать книгу из постов 2019 года. Тем более, что моя коллега по «Вечерке» Галя Тульчинская собрала все мои дневниковые записи. Спасибо ей огромное.

У этого дневника со временем вдруг проявившееся свойство. За год ушли из нашей жизни замечательные люди, мои друзья Олег Губарь и Михаил Жванецкий, Юлик Златкис и Аркадий Львов... – а в этой книге они все живые, они действующие лица трагикомедии под названием – жизнь. Серия моментальных фото, а ещё не воспоминания.

Будем учиться любить живых. Неправда, что «они любить умеют только мёртвых».

Кстати, и иллюстрации в этой книге живых и уже ушедших художников. Когда-то, покидая Одессу, наш друг, коллекционер Люсик Беккерман оставил нам альбомчик XIX века для рисунков. В нём уже были пять-шесть работ, альбом в нашем доме пополнялся рисунками друзей, приходивших в гости художников, одесситов и москвичей, тбилисцев и львовян... Пришло время показать и их читателям.

Посвящаю книгу памяти моих друзей.

Посвящаю книгу своим друзьям, поддерживающим и сегодня меня. И прежде всего дочери Ане, внучке Соне.

И спасибо читателям, благодаря финансовой помощи которых выходит эта книга «И море, и Гомер – всё движется любовью».

Олег Губарь

«Мы – спина к спине – у мачты...»

Живой голос.

Это предисловие не планировалось.

Книга воскрешает мой 2019 год. Олег был рядом.

Но в этом, 2021 году, когда книгу составлял, имя Олега Губаря ежедневно всплывало в наших разговорах с Аней, с Мишей Пойзнером, Феликсом Кохрихтом.

Книга уже была свёрстана, когда Аня напомнила, что в 2016-м Олег написал пару страниц о нашей с ним жизни, опубликовал в альманахе. И я принял решение после своего предисловия о любви опубликовать текст Олега. Е. Г.

Евгений Михайлович Голубовский – «моя броня и кровная родня». Если бы не его деятельное участие, моя судьба могла бы сложиться как-то иначе. Вполне вероятно, не сумел бы реализоваться по тому сценарию, который выстроился в итоге.

«Вечернюю Одессу» и «Комсомольску искру» в 70–80-е читал весь город. Аудитория составляла сотни тысяч. Сегодня о таком многие СМИ могут только мечтать, в том числе сетевые. Даже нештатный сотрудник мог проснуться знаменитым или, по крайней мере, широко известным благодаря буквально одной острой, актуальной или занимательной публикации. «Вечерка» в самом деле зажигала звёзды. Деревянко, Гипфрих, Михайлик, Лившин, Лошак, Романов, Розов, Крохмалёва, Кердман, Грудев, Рыковцева, Женевская, Марущак, Ромм... Вечеркинцы были не менее популярны, нежели солисты оперы, ведущие актеры оперетты, русского театра или лидеры «Черноморца». Голубовский – эрудит, книжник, мастер, заведующий отделом культуры; публикации чрезвычайно востребованные, далеко не всегда «идеологически выверенные», часто новаторские.

С Евгением Михайловичем меня познакомила словесница Лидия Мартыновна Полуянова, мать знакомого одесситам старшего поколения художника Алёши Лопатникова. То был довольно сложный для меня период: после перенесённого клещевого энцефалита заново учился ходить, настраивался оптимистически, стал что-то пописывать в университетской газете, куда перевелся в штат с одной из кафедр естественных наук. Тут я как бы не о юбиляре, а о себе любимом, но вне этого контекста не удастся объяснить значимость роли Голубовского. Он не только по-человечески вошел в мое положение, но заметил и оценил мои потуги на литературную деятельность, что-то во мне распознал.

Мало того, после нескольких чисто краеведческих публикаций умело закамуфлировал под эту серию один из моих первых рассказиков. По тем временам это было событие, памятное по сей час.

Евгений Михайлович всегда пристально, с нескрываемым интересом, неравнодушно наблюдал за моей повседневной работой, стимулировал, сопереживал, ставил вопросы, предлагал варианты, регулярно и деликатно указывал на то, что помимо «короедения» в природе существуют и другие творческие занятия. Это усваивалось незаметно, исподволь, открывало какие-то неведомые шлюзы, реализовывалось в неожиданных проектах.

К самым близким людям – родне, друзьям, товарищам – всегда самые завышенные требования. И это нормально, если проецировать таковые запросы симметрично на себя. Наверное, я не всегда бывал симметричен в отношениях с Е. М.: обижался, сердился по пустякам, что-то некорректно трактовал, чего-то не понимал или не хотел понимать, с чем-то не мог или не желал примириться и т. д. и прочее. Извинительное молодечество, юношеский максимализм... Но, подчеркиваю, это нормальные родственные отношения старшего и младшего. Тут как раз

тот случай, когда важно не столько рационально понять, истолковать, сколько иррационально прочувствовать, интуитивно довериться сердцу.

Евгений Михайлович – вот такой человек, которого люблю сердцем. Всякие мелкие разногласия, разночтения, нюансы – дело житейское, в конце концов, «Отцы и дети» – и о нас. Прощай пафос и патетику, мы плечом к плечу прошли непростые десятилетия, а теперь, когда «о душе пора подумать», не по своей воле угодили в водоворот событий и их чудовищных последствий.

Но убежден, сможем выстоять до конца: «Мы – спина к спине – у мачты. Против тысячи вдвоем!».

Мы – семья. Нанесенное Голубовскому или его домочадцам оскорбление – это оскорбление, нанесенное лично мне. Его (их) неприятности, горести, несчастья, как и радости, успехи, удачи – тоже мои, а мои – его (их). Мы всегда рядом. Как ни наивно это прозвучит, но я хочу, чтобы так было всегда.

Кое-что о себе

Беседу со Снеговым

Думаю, ни в каких календарях особо не отмечен день 25 февраля.

А этот день разрезал двадцатый век на до и после.

25 февраля 1956 года на последнем, уже внеочередном, заседании XX съезда КПСС прозвучал доклад Хрущёва, который долгое время называли «секретным», хоть у него было будничное название «О культе личности Сталина и его последствиях».

В зал заседаний не были допущены не только журналисты, но и гости съезда – представители всех зарубежных компартий.

И для делегатов съезда доклад был полной неожиданностью. Пятнадцать предыдущих заседаний шли по накатанной схеме. Все принималось под несмолкающие аплодисменты. Правда, одна неожиданность уже была.

Анастас Микоян в своей речи осудил «Краткий курс истории партии» – учебник миллионов, заявив, что в нем извращена история партии. Но последующие ораторы Анастаса Ивановича поправили. Учебник хороший, мелочи устранимы.

Ещё за день до съезда не было решено на Политбюро – поддержать ли желание Хрущёва выступить или дать возможность по этому поводу высказаться Поспелову.

Понимаю, что для нынешнего читателя все эти имена уже мало что говорят. Но именно Пospelов по решению Политбюро изучал, как получилось, что подавляющее большинство делегатов Семнадцатого съезда, членов ЦК, избранных на этом съезде, были расстреляны, осуждены.

Справка, которую группа Пospelова подготовила для ЦК, была жёсткой – беззаконие, произвол, пытки. Но... это всё касалось партверхушки.

Хрущёв же намерен был копнуть глубже.

Не выясняю тут вопрос – почему он это сделал. И сам боялся и ненавидел Сталина. И сам ощущал, что на нём есть вина – хотел отмыться. А может, пришёл в ужас от масштабов преступления.

Перед Хрущёвым на столе была не только записка группы Пospelова, но и письмо человека, просидевшего 16 лет в ГУЛАГе, который в двадцатых был на каком-то этапе жизни начальником у Никиты Сергеевича и выдвигал его наверх. Это был Алексей Владимирович Снегов.

Вот кто знал, как уничтожались перед войной военные кадры.

Вот кто понимал, что сделали годы репрессий с наукой, культурой.

Трудно сейчас сказать: текст, который произнес Хрущёв, а он отвлекался от бумаги, импровизировал, основывался только на этих источниках или были ещё.

За день до съезда, несмотря на протесты Молотова и Ворошилова, доклад поручили сделать Хрущёву на закрытом заседании.

Зал выслушал доклад в оцепенении, – писал позднее один из делегатов.

Где-то в середине марта сокращённый текст доклада начали читать на партсобраниях по городам и весям. Но в самые первые дни марта 1956 года об этом сообщал и «Голос Америки».

Неожиданным ли был для всех нас этот доклад? Могу сказать, для многих – долгожданным.

В своей книге «Глядя с Большой Арнаутской» в эссе «Отрочество» я вспоминал, как впервые на моей памяти отец обругал маму, увидев, что она плачет в день смерти Сталина. Он буквально закричал: «Замолчи, дура, тиран умер!». Потом, когда мать ушла на кухню, подошел ко мне и начал объяснять, какая огромная кровь на руках этого подлеца...

Это домашняя сценка. Но уже появился самиздат и среди первых стихов, написанное ещё в 1955 году «Бог» Бориса Слуцкого. До сих пор помню:

Мы все ходили под богом
У бога под самым боком.
Однажды я шёл Арбатом
Бог ехал в пяти машинах
От страха почти горбата
В своих пальтишках мышиных
Рядом дрожала охрана...

Вот это чувство всеобщего страха, сковывающего страха и начало исчезать после доклада 25 февраля. Из лагерей стали возвращаться десятки тысяч реабилитированных, в том числе работники научных шарг.

Со многими, вернувшимися, я был знаком. Но расскажу только об одном человеке, потому что и он герой этой истории.

В 1982 году отмечалось 60-летие образования СССР. Мы делали репортажи из всех 15 республик. Были счастливы возможности полететь в командировку в неведомые дали. Я тогда ездил в Узбекистан. Но хотелось чем-то более неожиданным завершить газетные публикации. Я взял отчёт о первом съезде СССР, и в документах, где были подписи представителей рес-

публик, увидел, что от Украины среди подписавших Договор о создании СССР был Снегов. Почему я спикировал на эту фамилию? Мне показалось, что я его знаю. Я действительно знал одессита Снегова, зека, отсидевшего немеряные сроки, ставшего замечательным писателем-фантастом.

У меня и сейчас хранятся его книги. Но... когда я позвонил Снегову, он рассмеялся, сказал, что их часто путают, что тот Снегов, что мне нужен, живет в Москве и он мне даст номер его телефона.

Так через три дня я оказался в Москве, на улице Кропоткинской, в квартире, крошечной, того самого Снегова, кто подписывал Союзный договор, а в 1953 году из лагеря в Инте написал письмо Хрущёву с просьбой принять его для рассказа о репрессиях.

В 1954 году ещё подконвойного Снегова доставили в Москву. Его по прошлым временам знали, помнили Микоян и Хрущев. Снегов присутствовал 25 февраля 1956 года на закрытом заседании съезда.

Доволен ли был Алексей Владимирович докладом Хрущёва? Нет. Мягко. Снегов предупредил, что сталинизм может возродиться. Но после отстранения Хрущёва и от Снегова попытались избавиться.

Естественно, я этого не знал. Не знал, что Снегов влепил пощёчину Щербицкому, что для Украины он персона нон грата.

Мы тепло, хорошо поговорили. Снегову было чуть за восемьдесят. Меня покорила его десятилетняя дочь. И вообще жизнелюбие, энергетика этого человека. Трезвость суждений.

Нужно ли объяснять, что вернувшись в Одессу, написал статью. Все было спокойно, но мой коллега Павел Шевцов, в это время работавший корром киевской «Рабочей газеты», попросил разрешения перепечатать статью в Киеве.

Что тут началось! ЦК Компартии Украины приняло постановление осудить. Деревянко получил партвыговор, Шевцов получил партвыговор, ну, а меня, беспартийную сволочь, приказано было гнать из советской печати.

И как в дореволюционные времена, Деревянко отправил меня в подполье. На год моя фамилия из «Вечерки» исчезла. Писал статьи некто Евгений Волошко.

Так аукнулась мне встреча с человеком, стоявшим у истоков доклада Хрущёва.

Кстати, умер Алексей Владимирович Снегов в 1989 году, прожив 91 год. Он мне письма присылал, поздравляя с Новым годом.

Мы живем уже в XXI веке. Нет СССР, нет всем руководящей компартии.

А культ личности уничтожить не удаётся. И поклонников Кобы становится больше. Людям кажется, что из бед их может выручить «твёрдая рука»

Это ужасно, когда люди зовут управлять собой – страх.

Ну как им напомнить – ну хотя бы слова Высоцкого:

«...Я не люблю, когда стреляют в спину, но также против выстрелов в упор»...

г.г. - 1.4.2 - 2 87.

Ма-ма! Ма-ма!

Вот уже 32 года не произношу это слово. Разве что во сне. А во снах всё чаще...

31 июля 2019 года ей было бы 111 лет. Немыслимые числа. А в памяти – молодая.

1941 год, мне четыре с половиной, мы сидим на насыпи и ждем поезд, на котором военные уступили нам одну из теплушек, чтоб забрать в эвакуацию. Я держусь за мамино платье. Мне кажется, что всю войну я держался за её руку, боясь потеряться в этой круговерти событий

Потом стеснялся, что держусь за маму. Теперь стесняюсь, что не всегда держался, не всегда был рядом.

Последний день июля. Как-то не совпадаю с календарем. Прогрессивное человечество отмечает День африканской женщины, а я думаю совсем о другой женщине, своей маме. Для меня, нашей семьи это всегда ее день рождения.

Мама родилась в Балте. Её отец Натан Шапочник, владелец мельницы, одной из многих в этом хлебном городке. Большая семья. Забавно, но его дети стали, кто Шапочниками, кто Шапочниковыми. Всё зависело от грамотности местной машинистки.

Естественно, большевики реквизируют мельницу.

Бывал, будучи журналистом в Балте не раз. Хотел увидеть, где жила семья, где была мельница.

Не нашел. Ощущение обиды осталось.

Где-то в 1920-м семья переехала в Одессу. Но непролетарское происхождение долго аукалось. Маму не приняли в медин, вначале закончила медучилище, работала и поступила в институт. Готовилась защищать диссертацию, а тут война... Отец уже был призван ещё в 1940-м. И вот на руках со мной мама прошла эвакуацию, работу в детской поликлинике, потом в военном госпитале.

Объяснять, что значила для меня мама – нелепо. Думаю, как и для каждого, она была поводом, защитой, но главное – примером.

Клара Натановна Голубовская. С 1945 по 1980 она была участковым врачом в поликлинике на Троицкой... Её знал весь её район, мне казалось, маму знает весь город. Нельзя было как-то «не так» поступить, ведь я сын своей мамы...

А 31 июля к нам на дачу(была тогда ещё дача) приходили коллеги мамы, замечательные врачи. Мой стол для пинг-понга превращался в праздничный, где стояли торты – Наполеон, Ореховый, Цукатный – и все приготовленные мамой. И, конечно, фрукты из сада, – слива и периковые абрикосы...

Какие тосты звучали тогда на 10 станции Большого Фонтана. Несостоявшийся руководитель маминой диссертации, но верный друг на всю жизнь, врач, лечивший «всю Одессу» Исаак Семенович Энгельштейн доставал свиток и читал Оду. Тут же психиатр Яков Моисеевич Коган импровизировал пародию на эти стихи... И сам упоённо читал Пастернака.

Долгое время для меня лучшими стихами про июль были эти строки Бориса Пастернака – «июль домой сквозь окна вхожий», вот эта задыхающаяся скороговорка поэта. А в последнее время я чаще произношу строки про июль Юрия Михайлика. Они про его жизнь. Но и про нашу.

«Ночь. Июль. Полночная прохлада.
Мягкий звук – во сне иль наяву?
Ты не бойся – там во мраке сада
Абрикосы падают в траву...»

Эти стихи любила моя жена – Валя. Мама их не слышала, строки написаны пару лет тому. Но она слышала, как у нас на даче Михайлик пел свой «Николаевский бульвар»:

«Но нету счастья без конца,
А мне его отпущено
От Воронцовского дворца
до памятника Пушкину...»

Весело мы жили. Пока всё были здоровы. А потом – болезни, болезни. У мамы перелом шейки бедра. Тогда это был приговор. Умер отец. Мама не могла даже поехать на кладбище.

Но даже прикованная к кровати, она оставалась советчиком, мудрым человеком. К ней приходили её бывшие пациенты, дети этих пациентов...

Мама умерла в 1987 году. Все годы корю себя, что всегда был занят, что всегда редакция была на первом месте, что меньше общался, чем нужно было... Сегодня я старше своей мамы и многое воспринимаю уже и своими глазами, и её глазами. Иногда слышу её советы: «Ты так не можешь поступить», и это решает все вопросы...

Не уверен, что остались на Троицкой, на Преображенской, на Александровском проспекте, а это её район, те, кто лечился у доктора Голубовской... Разве что их дети и внуки...

Довоенных фотографий мамы не сохранилось. Единственная, что она с трогательной надписью отправила отцу на фронт в 1942 году, и которую он сохранил.

Как давно я не произносил вслух такое простое слово – мама.

А про себя, а в мыслях – всё чаще и чаще.

Проверка на вшивость

Есть дни, которые врезаются в память, думаю, навсегда.

19 августа 1991 года – 28 лет тому.

У нас ещё был телевизор.

Это сейчас я отключил его полностью, меня удовлетворяет интернет, а тогда...

Встал часов в семь, жена ещё спала, тихо включил ящик... Лебединое озеро... А затем говорящие головы и дрожащие руки... Янаев, Крючков...

Разбудил жену. Тихо сказал, так как будто подслушивают – «Военный переворот».

Как часто журналисты в интервью задают вопросы – самый счастливый день в вашей жизни, самый печальный... Если бы меня и сейчас спросили – самый тревожный? – назвал бы 19 августа 1991 года.

Вспомнил сейчас рассказ Михаила Жванецкого – одно из его писем отцу, непрекращающийся разговор с ушедшим, но всегда присутствующим в его жизни.

...Так вот это было написано в Одессе именно тогда, 21 августа, и начиналось словами: «Ну что ж, отец, кажется, мы победили...»

А вот картинка 19 августа:

«Так вот. В середине августа, когда всё были в отпуске, и я мучился в Одессе, пытаюсь пошутить на бумаге, хлебал кофе, пил коньяк, лежал на животе, бил по спинам комаров, испытывал на котах уху, приготовленную моим другом Сташком вместе с одной дамой, для чего я их специально оставлял одних часа на три-четыре горячего вечернего времени, вдруг на экране появляются восемь рож и разными руками, плохим русским языком объявляют ЧП, ДДТ, КГБ, ДНД...

До этого ввали, после этого ввали, но во время этого ввали как никогда. А потом пошли знакомые слова: «Не читать, не говорить, не выходить. Америку и Англию обзывать, после 23 в туалете не...ать, больше трех не...ять, после двух не...еть». А мы-то тут уже худо-бедно, а разбаловались. Жрем не то, но говорим, что хотим.»

Сейчас, спустя 28 лет, «Огонек» вновь перепечатал этот рассказ.

А мне к девяти часам нужно было в редакцию

Кстати, из заявления не было понятно, на каких территориях ввели военное положение, есть ли оно в Одессе, что означает...

Помню, что «Вечерка» встретила тишиной. Борис Деревянко уже был в редакции, но кабинет был закрыт. Ещё через час по одному редактор стал вызывать к себе.

Ненависть к происшедшему.

И ощущение растерянности.

«Вечерка», которая всегда была самой свободной, в этой ситуации уступила первенство. Юлий Мазур, редактор «Юга», принял сразу же точное решение – мы ГКЧП не поддерживаем.

«Вечерка» лишь на второй день стала газетой сопротивления.

Можно сегодня, спустя 28 лет, размышлять как повел себя Ельцин, как повел себя Горбачёв...

Но тогда мы ощущали, что в мгновение может вернуться брежневщина, а то и сталинщина. И были с теми, кто не принял переворот.

Но пауза длиной в день – урок на долгую жизнь.

Девушка нашей мечты

Когда-то, посмотрев несколько агитационных кинофильмов, и оценив их воздействие на массы, Владимир Ленин написал, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. В каждом кинотеатре висели лозунги с этим высказыванием.

И я люблю кино, хоть не считаю его важнейшим из искусств.

В моей иерархии литература всегда представлялась важнейшей.

И уже потом – музыка, живопись, кино...

Возможно, что и в годы войны в госпитале, где служила мама в Сочи, я видел какие-то фильмы. Помню, что зал там был. Легко раненные приходили сами, тяжело раненных иногда приносили... Но вот что показывали в 1943–1944 годах – не помню.

И лишь в Одессе, в сентябре 1946 года я зачастил в кино.

Мне десять лет, я пошёл в школу, сразу в третий класс, что-то надо было навёрстывать. И как награду отец брал меня с собой в кино. Тем более кинотеатр имени Ворошилова – на углу нашей Кузнечной и Успенской. Это потом он стал «Зірка».

А в кино шли тогда «трофейные фильмы».

Боюсь, что среди моих читателей почти никто не знает, что это.

В Германии советские войска захватили тысячи(!) кинофильмов и вывезли их в порядке репарации за принесённый ущерб. Там были немецкие, австрийские ленты, но и купленные Германией для показа фильмы США, Англии, Франции... Весь 1945 год их сортировали. Министр кинематографии Большаков показывал их Сталину, при этом сам переводил с немецкого и английского.

А Сталин кино любил. Комедии, детективы, мелодрамы. И именно он определял, какие фильмы дублировать, какие выпустить с титрами, какие запрятать навсегда.

Так появились у нас в кинотеатре фильмы «Багдадский вор»(Англия), «Сестра его дворцового»(США), «Рим – открытый город»(Италия)... Называю фильмы, что смотрел по нескольку раз. Но чемпионом для меня и многих стала «Девушка моей мечты» – немецкий фильм 1944 года, яркий, цветной, праздничный.

Трудно даже сейчас представить, уже война шла в Европе, уже крах Германии был неизбежен, а режиссер Георги Якоби снимает мюзикл, где есть оперетта, где фантастический балет и очаровательная венгерская певица, актриса Марика Рёкк в главной роли. И никаких пушек, самолетов, нацистов...

Вспоминаю, что мы, мальчишки, собирали «кины». Вновь, боюсь, забытое слово. Так называли кусочки плёнки, один кадр, при прокате фильмов часто аппарат давал сбои, выплёвывая кусочки плёнки. Механики продавали эти обрезки. Перекупщики ходили по школам со своим товаром.

Помню, кина с Марикой Рёкк, купающейся в бочке, стоила завтрак, что мне давали в школу. Нам все время казалось, что есть и такая, где она обнажена – увы, не фартило...

Вчера, когда вспомнил об этом фильме, набрал в Гугле – «Девушка моей мечты. Смотреть онлайн, бесплатно». И что вы думаете – как на блюде с голубой каёмочкой.

Честно говорю, что просмотр сейчас мне дался много труднее, чем детстве.

Хорошо поставленные музыкальные фрагменты. С шиком, но и со вкусом. Марика Рёкк превосходно танцует, голос её меня не очаровал. Более того, как-то смущала некоторая полнота, которую я отнёс к немецким вкусам.

И ошибся. После фильма я посмотрел биографию артистки. И оказалось, что она была женой режиссера, несколько фильмов они делали вдвоём, но к началу съёмок «Девушки моей мечты» девушка была основательно беременна. Но на создание декораций, костюмов ушли такие затраты, что речи не могло быть о том, чтоб отложить съемки. Вот тут и сказался 1944 год.

И. признаюсь, я уже иначе осознал все, что сделала актриса в фильме, понял, насколько это была трудная роль. Кстати, и никакой эротики. Это были детские представления о возможном и невозможном...

Марика Рёкк прожила долгую жизнь. Она родилась в 1913 году и умерла в 2004. Начиная в Мулен-Руж в Париже, у нее русская балетная школа. В тридцатых годах пришла в кино.

Нравилась Гитлеру. Даже была удостоена встречи. Но в пропагандистских фильмах не снималась. Была легенда, что она была «советской разведчицей», но и это только слухи. Никаких подтверждений.

Более полусотни ролей в кино. Но до сих пор самой удачной кинокритики считают роль в «Девушке моей мечты».

Подумал – смешно сейчас рекомендовать детям этот фильм.

Другие дети, другой ритм жизни. Но как важно, чтобы в кино ребёнок с первых фильмов попадал в мир музыки, танца, красивых людей, необычных поступков...

Как я открыл Пикассо

Каждый из нас когда-то соприкоснулся с современным искусством.

Для меня точка отсчета – не посещение художественного музея, какой либо выставки, хоть наверное, такие были, но не запомнились, а день в отделе искусств Библиотеки имени Горького, когда я взял альбом Музея нового искусства (был такой в Москве до тридцатых годов). Начал листать его шедевры и замер на картине Пабло Пикассо «Старый еврей и мальчик». Это осень 1955 года. Давненько.

Это сегодня я уже знаю, что Пикассо было 22 года, когда он написал это полотно.

Это сегодня я знаю, что картина принадлежит к «голубому периоду» мастера.

Это сегодня я знаю, что в России были удивительные купцы братья Щукины, собиравшие искусство, а один из них, Сергей, стал первопроходцем в коллекционировании французского искусства, начав с Клода Моне и завершая своё собрание Гогеном и Ван-Гогом, Матиссом и Пикассо.

Сегодня, 25 октября, день рождения Пабло Пикассо. Он родился в 1881 году.

По сути, творчество этого художника – энциклопедия исканий в живописи XX века.

Начав с реалистических картин с обостренной экспрессией, в его памяти были полотна Гойи и Эль-Греко, он пришёл к плоскостному кубизму, соприкоснулся с сюрреализмом и абстракцией, чтоб на новых этапах возвращаться к магическому реализму.

Дикий и неистовый Пабло Пикассо – один из самых своеобразных гениев XX века. Он прошёл через все испытания: нищетой и богатством, войной и миром, женским вниманием и всемирной славой. В 2009 году журнал The Times назвал его лучшим художником среди живших за последние 100 лет. Историю его успеха, наверное, невозможно повторить, но у Пикассо есть чему поучиться.

Пикассо был не только художником, но и поэтом. Замечательный переводчик Михаил Яснов перевёл на русский книгу его стихов. Пикассо был и философом, вот несколько его максим, которые дают представление о его отношении к жизни, к искусству.

«Если хочешь сохранить глянec на крыльях бабочки, не касайся их.

С возрастом ветер всё сильнее. И он всегда в лицо.

Каждый ребенок – художник. Трудность в том, чтобы остаться художником, выйдя из детского возраста.

Чтобы рисовать, ты должен закрыть глаза и петь.

И среди людей копий больше, чем оригиналов.

Если бы только можно было избавиться от мозга и пользоваться лишь глазами.

Моя мама мне говорила: «Если ты станешь солдатом, то будешь генералом, если станешь монахом, то будешь настоятелем». Вместо этого я стал художником – и стал Пикассо.

Мы, испанцы, – это месса утром, коррида после полудня и бордель поздно вечером.

Все пытаются понять живопись. Почему они не пытаются понять пение птиц?

Когда искусствоведы собираются вместе, они говорят о форме, структуре и смысле. Когда художники собираются вместе, они говорят о том, где можно купить дешёвый растворитель.

Я всегда делаю то, что не умею делать. Так я могу научиться этому.

40 лет – это такой возраст, когда наконец-то чувствуешь себя молодым. Но уже слишком поздно.

Если бы некого было любить, я бы влюбился в дверную ручку.

Настоящие художники – Рембрандт, Джотто, а я лишь клоун; будущее в искусстве за теми, кто умеет кривляться.

Дайте мне музей, и я заполню его.»

Но, как бы не интересно было читать Пикассо, живопись нужно смотреть. Лучше всего смотреть картины. Нет такой возможности, смотрите репродукции.

Кстати, образ Пикассо запечатлён в десятке художественных фильмов. Последний из них – «Пикассо» вышел в 2019 году.

Эту страницу дневника я начал с картины, попавшей в Россию благодаря Сергею Ивановичу Щукину.

В этом году Московский музей изобразительных искусств имени Пушкина и петербургский Эрмитаж, объединив усилия, воссоздали коллекцию Щукиных и показали её вначале в Париже, а затем и в Москве. Успех выставок был огромен.

Куратором проекта стала директор Пушкинского музея в Москве, одесситка Марина Лошак. А 23 октября, два дня тому Марина Лошак получила высшую награду Франции, стала Командором ордена Почетного легиона.

Так неожиданно закольцевались события – день рождения Пикассо, выставка коллекции Щукина, высшая награда Франции выпускнице Одесского университета, бывшему сотруднику Одесского литмузея Марине Лошак.

Мир, конечно, огромен. Но как много в нём связано. Давайте прослеживать эти, нас объединяющие нити.

Ёлка

В моём осознанном детстве у меня не было ёлок.

Возможно, до войны и ставили их дома, но я этого не помню.

Первая ёлка, которую запомнил навсегда, ЁЛКА–1947. В этом году 22 декабря родители подарили мне сестру и её появление отец озаменовал могучим деревом.

Это всё было на Кузнечной, 29 в квартире 4, в одной, но очень большой комнате, где до потолка было около пяти метров. И ёлка под потолок!

И с тех пор каждый год – до «Ире – 16 лет» каждый год ель, сосна, но обязательно с гирляндой из стеклянных трубочек, отмечавшей возраст Иры.

У нас разница большая, в 11 лет. Да каких лет – война, разруха. Я и сейчас удивляюсь, как решились родители в 1947 на ещё одного ребёнка.

Очень хотели девочку. Родилась девочка.

Очень хотели забыть о войне, голоде, скитаниях. Вторым ребёнком помог быть стойкими в 1949–1953.

Помню маму в год, когда началось пресловутое дело врачей-отравителей.

Помню отца, читавшего доклад Жданова, где речь шла о Зощенко, одном из любимых писателей папы.

Но росла Ира. Я возмущался – с моей картавостью нельзя ли было придумать более лёгкое имя – Аня, Валя... Потом свою дочь мы с Валей назовём Анна – без всяких «Р».

Школьные годы Иры прошли у меня на глазах. Всё в той же однокомнатной квартире, куда я привёл жену, куда Ира приводила весь свой класс.

И не было тесно, было весело.

Учиться Ира хотела. Профессию вымечтала – врач.

В Одессе с «пятой графой» в медин поступить было очень трудно. Поехала в Казань, где брат отца Исаак Евсеевич Голубовский был деканом мединститута. И, действительно, там не срезали. Более того дядя приоткрыл Ире интерес к своей профессии – санитарного врача.

Как-то привыкли: врач лечит. Чем лучше врач, тем больше надежда на правильный диагноз, на разумное лечение. А санврач предостерегает от болезней, главное – профилактика...

Уехала в Казань Ирина Голубовская. Вернулась Ирина Королёва.

Мы много смеялись. Моя жена Валентина Королёва, выйдя за меня замуж, стала Валентиной Голубовской.

Круговорот имен в природе.

Много лет Ира проработала на Пересыпи. Знала все заводы. Имела массу друзей.

Возможно, и врагов. Ей нравилась её работа. Я с удивлением смотрел, как она изучает синьки с расположением техники в цехах, как изучает производства.

Рождение сына Марата не выбило её из рабочего ритма. Даже не помню, использовала ли она весь декрет, но что возила Марата к себе в сан-станцию, помню.

Награды, грамоты, она этим гордилась, но больше признанием директоров заводов.

Она ощущала себя нужной. И это помогло ей и тогда, когда обрушилась на неё онкология.

Работать решила, пока хватит сил. И хватало. В последний год жизни, в 2015, а это уже было после многих лет борьбы с болезнью, ей присвоили звание Заслуженного врача Украины...

Теперь Марат ставит ёлочку для своих детей. Мы с Аней ставим для себя. С каким бы удовольствием я сложил бы гирлянду – «ИРЕ – 72», но не сложу, не дожила до 69.

Увидела внука и внучку. Была счастлива. Радовалась успехам Марата.

Всё путём.

И всё равно – не хватает самых близких.

Живая библиотека должна работать!

(Интервью для издания «Про книги. Журнал библиофилов», взятое у меня его редактором Михаилом Сеславинским).

– Когда началось Ваше увлечение старой книгой, и какие были первые кирпичи в библиофильском фундаменте?

– В первые послевоенные годы отец водил меня с собой по книжным развалам, по букинистическим магазинам. Его вкусы не стали определяющими потом в моем собирательстве. Он искал дореволюционные издания русской классики, старую приключенческую литературу. Но прежде всего, пытался найти книги из своей довоенной библиотеки, как я понимаю, сугубо технической, где на книгах стояла печатка: «Инженер Михаил Евсеевич Голубовский». Книг пять он нашел. Остальные были то ли пущены на растопку в трудные годы оккупации Одессы, то ли осели где-то в чужих собраниях.

И всё же эти воскресные прогулки по букинистическим магазинам определили и мои маршруты, когда в старших классах школы я увлекся русской поэзией.

Так за шестьдесят лет сложилось моё собрание русской поэзии XX века, есть книги с автографами, есть просто редкие книги. А начиналось собрание, по сути, ещё в школе – в десятом классе. Я ходил по улицам Одессы и бормотал про себя строки раннего Маяковского – «Лиличке, вместо письма...» Мне казалось, что я всё знаю о любви поэта, о трагедиях поэта, об его друзьях и врагах. Но меня уже не устраивали бесчисленные советские переиздания, где даже лирика была цензурирована. И я начал заходить в букинистические магазины (тогда их в Одессе было несколько!) в поисках первых сборников Маяковского, тех, что он выпускал, редактировал сам. Так началось увлечение футуризмом, которое пронёс через долгую жизнь, так втянулся в чтение, осмысление Велимира Хлебникова (его вообще в послевоенные годы не издавали), затем пришла пора захлёб читать, бормотать Бориса Пастернака...

Сегодня, вспоминая, как складывалось моё книжное собрание, я, естественно, назову «первыми кирпичами» пятитомник Велимира Хлебникова, собранный мной по тому в течение нескольких лет, книгу Владимира Маяковского «Мистерия Буфф» 1918 года, Петроград. Скоро-печатня «Свобода». На книге автограф: «Дорогому сорежиссёру В. Маяковский».

Как я позже выяснил, первая постановка «Мистерии-Буфф» была осуществлена в Петрограде Всеволодом Мейерхольдом и Владимиром Маяковским как сорежиссёрами. Так что Владимир Маяковский подарил книгу Всеволоду Мейерхольду.

И, естественно, литографированные сборники Алексея Крученых и Велимира Хлебникова...

– В какое время формировался основной массив Вашего собрания, как менялась тематика и принципы его формирования?

– Наиболее активно библиотека пополнялась в 60-е – 80-е годы.

Начав с увлечения футуристической поэзией, я не мог пройти мимо русского акмеизма – Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, а потом в круг интересов вошли и русские символисты, начиная с первой книги Александра Блока «Стихи о Прекрасной даме», изданной в 1905 году.

Так началось собрание, которое, очевидно, завершают все прижизненные сборники Иосифа Бродского, радовался, когда удалось найти самый первый, изданный в США, когда поэт был в ссылке.

Постепенно поэзия обрастала и прозой. Как можно представить Андрея Белого без романов «Петербург» и «Серебряный голубь». Константин Вагинов начинал как поэт, но его короткие романы, такие, как «Бомбочада» и «Козлиная песнь», уверен, могут украсить любое книж-

ное собрание. Илья Эренбург прежде всего считал себя поэтом, но без «Хулио Хуренито» или романа «Рвач», изданного в Одессе в 20-е годы, русскую литературу XX века я уже не могу представить.

Конечно же, параллельно собирались книги по искусству, современная поэзия и проза, книги, связанные с историей, культурной жизнью Одессы. Кстати, «одесская полка» в собрании поэзии XX века достаточно интересна. Я бы начал её с пяти альманахов, вышедших в 1914–1917 годах, среди которых наиболее редкие «Авто в облаках», «Шелковые фонари», «Чудо в пустыне».

И конечно, назвал бы книги, вышедшие в одесском издательстве «Омфалос», во главе которого стояли поэт, литературовед Михаил Лопатто и поэт, художник Вениамин Бабаджан.

– Каковы были основные источники поступления книг (графики)?

– Как я уже упоминал, букинистические магазины, а их в Одессе в 50–60-е годы было несколько. Староконный рынок в Одессе представлял собой огромный книжный развал (К счастью, он существует и до сих пор, но уже, правда, не тот размах и не то качество). Естественно, знакомство с библиофилами, с которыми чаще обменивались, чем покупали у них книги.

Дружба с художниками постепенно вылилась в собрание живописных и графических работ. Причем, не только одесских, но и московских. Сегодня, к примеру, всё знают Дмитрия Краснопевцева как одного из значительнейших художников московского нонконформизма. Но он был и увлеченным библиофилом. Я бывал в его мастерской, и в одном из разговоров, он попросил меня поискать в Одессе «Цветочки» Франциска Ассизского. Через какое-то время я нашел мусagetовское издание «Цветочков Франциска Ассизского» и в очередной приезд в Москву с радостью вручил художнику желанную книгу. Он преобразился на глазах. Я был не менее счастлив, получив от Дмитрия Краснопевцева в подарок одну из его работ...

– Как складывалась в эту эпоху библиофильская жизнь Одессы (букинисты, собиратели, книговеды)?

– В те годы в Одессе было много библиофилов, и были прекрасные книжные собрания. Я помню директоров и приёмщиков букинистических магазинов за многие годы. Один из них, Никита Алексеевич Брыгин, написал книгу о своей работе – «Как хлеб и воздух», а позднее он стал создателем и первым директором Одесского литературного музея.

Но живым центром общения стал букинистический магазин на Греческой площади, когда директором была Валентина Ивановна Меленчук, а приемщицей – Ирина Михайловна Дробачевская. Именно там и были проведены первые заседания одесского клуба книголюбов, позже перешедшие в Дом ученых и ставшие там Секцией книги. Помню первые заседания, где библиофил М. Шаргородский показывал свою коллекцию книг и документов о Наполеоне, а библиограф Одесского университета В. С. Фельдман знакомил нас с фантастическим книжным богатством, принадлежавшим семье Светлейшего князя М. С. Воронцова, хранившимся в университетской библиотеке...

Библиофилы, ставшие за эти годы друзьями, раз в месяц собирались на домашние посиделки друг у друга. И тогда разговоры были ещё более острыми и доверительными.

Пожалуй, не было известного писателя, деятеля культуры из приезжавших в Одессу, кто бы ни посетил Секцию книги Дома ученых. Подробно об этом написал в своей книге «Летопись библиофильского содружества» Сергей Зенонович Лушик.

– Запомнились ли Вам какие-то крупные или наиболее значимые поступления в Ваше собрание?

– Конечно, запомнились. Такое не забывается! Многие годы я поддерживал дружеские отношения с писателем Сергеем Александровичем Бондариним, потом, после его кончины, и с его женой Генриеттой Савельевной Адлер. Замечательный массив книг, документов из собрания С. А. Бондарина его вдова передала в дар Одесскому литературному музею. Хотя Бондарина в послевоенные годы арестовали, Генриетта Савельевна сумела сохранить все рукописи,

письма, автографы, книги. После того, что Литературный музей забрал «одессiku», Генриетта Савельевна предложила мне просмотреть оставшуюся поэтическую часть библиотеки. Десятка два книг привез я из Москвы в Одессу. Но каких книг! Среди них футуристический альманах «Молоко кобылиц». Трагедия «Владимир Маяковский» с рисунками Давида и Владимира Бурлюков, изданная в Москве, в типолитографии Т. Д. и Н. Грызуновых в 1914 году. Книжка, где очень красива игра шрифтами. Одна из первых, так свёрстанных, книг. Чья вёрстка – неизвестно. Возможно, самого Маяковского. Книжка была издана Первым журналом русских футуристов. Наконец, книга Маяковского «Для голоса». Конструктором книги был Эль Лисицкий. На авантитуле автограф: «Сереженьке, к которому я часто бывала плохой, но чаще хорошей. Лидия Роде. 13 апреля 1930 года. Москва». Книга подарена была Сергею Бондарину. Трагически воспринимается сегодня дата автографа, накануне самоубийства В. Маяковского.

Большая подборка книг собралась в течение полувека из подарков приятельницы моих родителей Александры Самсоновны Винер, начиная от «Пощечины общественному вкусу» (подарена была в день окончания института) до сборников стихов Александра Блока и Андрея Белого, не считая многих других достойных книг.

Памятен мне дар старейшего библиофила Одессы, антропософки, спасительницы одесских библиотек во время оккупации Александры Николаевны Тюнеевой. Именно она сохранила и подарила мне «Двенадцать» Александра Блока, переизданную в Одессе сразу вслед за Петроградом, и листовку с его же стихотворением «Скифы», которую она собственноручно подобрала на одесской улице, когда листовку разбрасывали с аэроплана.

Однажды Александра Николаевна подарила мне книгу отца итальянского футуризма Маринетти. Русские футуристы выпустили её к приезду знаменитого итальянца в Россию.

Маринетти. Футуризм. Книгоиздательство «Прометей» Н. Н. Михайлова. 1914 год.

Как на всех книгах Тюнеевой, и на этой её печатка. Лишь дома, читая книгу, я обнаружил, что Александрой Николаевной в книгу был вклеен билет на лекцию Ф. Т. Маринетти в Концертный зал Калашниковской биржи в Петербурге 4 февраля 1914 года.

Список этот можно было бы продолжать достаточно долго.

– Существовала ли конкуренция между собирателями?

– Скорее, взаимоподдержка. Я уже говорил, что чаще всего мы обменивались книгами, сообщали друг другу о появившемся «на горизонте» необходимом кому-то экземпляре книги, который в чьей-либо библиотеке уже был. Тогда я вёл отдел культуры сначала в молодёжной газете, затем в одесской «Вечерке», и все редкие находки мы старались публиковать. До сих пор рад, что ныне такие известные литераторы, краеведы как Сергей Лущик, Ростислав Александров, Олег Губарь, Сергей Калмыков начали публиковаться на страницах краеведческого «клуба», который я вёл в газете.

– Вспомните, пожалуйста, какие-то забавные случаи, книжные анекдоты?

– Всяких забавных случаев было немало. Расскажу один, связанный с поиском подлинных фамилий авторов сборника «Омфалитический Олимп. (Забытые поэты)». То, что это сборник во многом пародийный, сомнений у меня не было. Но кто укрылся под вымышленными фамилиями Мирры де Скерцо, Клементия Бутковского, генерала Апулея Кондрашкина и др.? Я написал письмо писательнице Зинаиде Шишовой, спрашивая её, кто же эти авторы литературной мистификации. Ответ получил через несколько недель. Во-первых, Зинаида Константиновна подтверждала, что это мистификация, а во-вторых, рассказала презабавнейшую историю. Псевдонимом Клементий Бутковский пользовался Вениамин Бабаджан. И вот, как только в 1918 году в издательстве «Омфалос» вышел сборник «Омфалитический Олимп», вочеловечился псевдоним. В редакцию «Омфалоса» явился приехавший с турецкого фронта то ли поручик, то ли прапорщик Клементий Бутковский и потребовал гонорар. Задыхаясь от смеха, Бабаджан и другие присутствовавшие выплатили ему какой-то гонорар. На этой забавной истории можно было бы поставить точку, если бы в знаменитом Словаре псевдонимов

Масанова не стояла расшифровка фамилии Клементия Бутковского – Юлиан Оксман, якобы со слов известного литературоведа... К счастью, сегодня в нашем распоряжении есть рукописи Вениамина Бабаджана, изданные С. Луцником, окончательно снявшие этот вопрос.

– Как поддерживались отношения с Москвой-Петербургом и т. п.?

– К счастью, командировок в 60–80-е годы у меня было множество, да и в отпуск мы с женой ездили по стране.

В Москве старался объезжать крупные, известные букинистические магазины. Налаживались связи с известными книголюбями. Так, в Ленинграде мы с женой были в гостях у М. С. Лесмана, у меня до сих пор хранится его визитная карточка, где он написал: «М. С. Лесман – в надежде на повторные встречи. 26.6.85». В Тбилиси друзья привели в дом художника Гордеева. Там увидел удивительные издания грузинских футуристов. Как память об этом доме хранится купленная в нём книга Игоря Терентьева «Крученых – грандиозарь». И там же купил литографированную книгу Божидача «Бубен». Художник был братом поэта Богдана Гордеева, взявшего псевдоним Божидач...

– Что из себя (широкими мазками) представляет сейчас Ваше книжное собрание, каковы основные разделы, количество книг?

– Ответ на этот вопрос был бы утомительно долгим. Могу только сказать, что моя библиотека «работает». Именно на ее основе в последние двадцать лет издаю книги, как библиофильские издания малым тиражом, так и многотиражные книги, если сегодня уместно говорить о «больших» тиражах.

Так, вышла серия книг «Венок Ахматовой» (1989 г.), «Венок Пастернаку» (1990 г.), «Венок Мандельштаму» (2001 г.). Впервые вышла книга стихов Юрия Олеши «Облако», книга стихов Анатолия Фиолетова «О лошадях простого звания», переиздал ранние книги Веры Инбер, Перикла Ставрова, «Кирсанова до Кирсанова», роман «Пятеро» Владимира Жаботинского и его же переводы из Н.-Х. Бялика.

Последняя книга, изданная в 2011 году, – проза Ефима Зозули... Всё это вместе возникло из желания возвращать в текущий литературный процесс практически забытые или исчезнувшие книги. Характерный пример: сборник «Ковчег», вышедший в 1919 году, в Феодосии, где наряду с Цветаевой, Эренбургом, даже Блоком, были опубликованы впервые за пределами Одессы Багрицкий, Фиолетов, Соколовский, Бабаджан... Долгие годы не удавалось найти эту книгу, вышедшую тиражом в 100 экземпляров. Отыскалась она у Бориса Яковлевича Фрезинского в Петербурге, да ещё и с правками Эренбурга и Цветаевой. Б. Я. Фрезинский великодушно откликнулся на просьбу и прислал ксерокс «Ковчеха». Так удалось издать, прокомментировав всю эту книгу, сборник «Возвращение «Ковчеха».

Живая библиотека должна работать!

– Есть ли у Вас экслибрис(ы)?

– Для моего собрания сделали экслибрисы одесские графики Давид Беккер и Геннадий Верещагин. Когда-то вырезал гравюру замечательный украинский поэт Борис Нечерда. А всё началось с экслибриса, нарисованного тушью ленинградским художником Владимиром Цивинным. Но я к экслибрисам отношусь, как к замечательным произведениям графики и не использую их по прямому назначению.

– Какие раритеты, изюминки или диковинки Вы могли бы представить читателям журнала?

– И в этом случае не буду утомлять читателя. Назову лишь несколько книг:

Николай Асеев. «Ночная флейта». Изд-во «Лирика». М., 1914 год. Предисловие и обложка Сергея Боброва. Первый сборник стихов Н. Асеева. На обложке дарственная надпись: «И. В. Игнатьеву Ник. Асеев. 914.1.15. Moscow». Трагизм этой надписи ощущаешь тогда, когда знаешь, что поэт Игнатьев покончил с собой через пять дней после этого подарка.

Бунин И. Жизнь Арсеньева. Изд-во «Современные записки». Париж. 1930 год. На авантитуле: «Дорогому Сергею Викторовичу дружески. Автор». Долго выяснял, кто такой Сергей Викторович. Помогла Мариэтта Шагинян. Поэт Юрий Михайлик дружил с ее внучкой и задал ей вопрос, кто в кругу русских литераторов начала века – знакомых Бунина – имел такое имя-отчество. Шагинян тут же отреагировала... «Мемуары мои нужно читать внимательно». Действительно, в ее мемуарах один из героев – С. В. Яблоновский. Он был и другом и врагом Бунина в разные годы, но отношения поддерживались и в Петербурге, и в Одессе, и в Париже. Книга была привезена в Одессу одной из репатрианток. После её смерти досталась случайно забулдыге, который «оценил» книгу в бутылку водки.

Казарновский Юрий. Стихи. ГИХЛ. Москва. 1936 год. 5000. Книжка, которая не должна была сохраниться. Казарновский в первый раз попал в ГУЛАГ в 20-е годы, вышел на год-два в 30-е. В 1937 году был вновь арестован. Вышел в 50-х. О нем рассказывают легенды. Но его стихи практически не сохранились. Единственная книжица, изуродованная цензурой, была изъята из книжной продажи и библиотек и уничтожена. Этот экземпляр с надписью «С. Бондарину в знак дружбы и любви. Ю. Казарновский. 12.36». Сохранилась в библиотеке Сергея Александровича Бондарина. Воспоминания о Казарновском, соллагернике по СЛОНу, есть у Д. С. Лихачева.

Я мог бы называть малотиражные футуристические сборники, журнал поэзии «Остров», где на наклейке указан адрес Н. С. Гумилева в Царском Селе. Но предпочел эти три книги, автографы на которых волнуют меня и сегодня.

– Как складывается библиофильско-букинистическая жизнь Одессы в XXI веке?

– Грустно. В городе остался только один букинистический магазин. Секция книги в Доме ученых продолжает работать, но молодых библиофилов практически уже нет, либо мы их не знаем. Издательская деятельность библиофильского толка перешла во Всемирный клуб одесситов, вице-президентом которого я являюсь (президент – М. М. Жванецкий). Мы издаем альманах «Дерибасовская-Ришельевская» при поддержке фирмы «Пласке», выходящий четыре раза в год.

Одесский литературный музей выпускает раз в год сборник «Дом князя Гагарина». Вокруг этих изданий и объединяются одесские коллекционеры, краеведы, библиофилы.

– Удалось ли чем-то пополнить библиотеку за последние 5–10 лет?

– За последние 5–10 лет библиотека пополнялась чаще всего сборниками русских поэтов-эмигрантов первой волны. Так получилось, что и в Париже, и в Нью-Йорке есть друзья, помогающие заполнять лакуны. И если раньше Георгий Иванов был представлен только петербургскими книгами, то сейчас есть и парижские издания. Марк Алданов есть парижский и берлинский, и обе книги с автографами. Есть Борис Поплавский и Довид Кнут. А совсем недавно я открыл для себя поэта, родившегося в Одессе, но прожившего в Париже почти всю жизнь, ставшего одним голосов «парижской ноты» – Семена Луцкого. О нем я ещё собираюсь писать, так как его имя у нас практически неизвестно.

– Помогает ли сейчас Интернет в том, чтобы поддерживать Ваш интерес к книжному собирательству?

– Естественно, очень помогает! Можно доверять или не доверять всем статьям, можно видеть ошибки и заблуждения, но можно и находить полезную информацию, следить за книжными новинками, искать старые книги в аукционных каталогах.

И хоть видно, как Интернет часто отбивает интерес к книге, особенно у молодых, но Книга, пережившая аутодафе средневековья, пережившая костры 1933 года в Германии, уничтоженная или спрятанная в спецхранах советской властью, выстояла. И, думаю, выстоит все испытания, которые ей ещё, возможно, придётся пережить.

– Многие библиофилы не находят понимания среди своих близких. Ходят легенды о счастливом исключении в семье Голубовских. Как же оно сложилось?..

– К счастью, не только в нашей семье, но в кругу наших знакомых библиофилов и коллекционеров мы не были исключением. Так же гармонично складывалось взаимопонимание в семьях С. З. Лущика, А. С. Коциевского, И. И. Бекермана...

Моя жена в течение многих лет преподавала историю искусства, историю материальной культуры и историю костюма, поэтому мир книг был и её средой обитания. К старой книге она относилась трепетно и радовалась каждому моему приобретению. В свою очередь, я обрадовался, когда завершив свою преподавательскую работу, преодолевая синдром «немоты», энергию слова она перевела в страницы воспоминаний, эссе, размышлений. Так родились её книги «На краю родной Гипербореи» и «Мама купила книгу».

Это интервью состоялось несколько лет тому. За эти годы вышла и моя книга «Глядя с Большой Арнаутской», подготовлен и выпущен совместно с Аленой Яворской том Анатолия Фиолетова... И десяток книг участников нашей «Зеленой лампы» – стихи Елены Боришполец, Влады Ильинской, Таи Найденко, проза Майи Димерли, Анны Михалевской, Елены Андрейчиковой...

Пока работается – работаем.

7.7-1.42-2 87.

Кое-что о друзьях

Пик Блещунова

Не только у сказок бывают счастливые окончания

Тридцать лет тому, 28 января 1989 года я стоял на ступеньках дома на Гарибальди, 19, и видел перед собой сотню радостных людей. Не было никаких оповещений в газетах, на телевидении. Но люди узнали и пришли.

28 января 1989 года был открыт в Одессе первый в Советском Союзе Музей личных коллекций, подаренный городу Александром Владимировичем Блещуновым.

Уверен, что одесситы помнят, знают Блещунова.

Но ведь мой ежедневный дневник читают не только одесситы. А человек это замечательный, я дружил с ним много лет, писал о нем. И для меня удовольствие напомнить об инженере и альпинисте, меломане и книгочее, воспитателе «трудных» детей и офицере в отставке, о коллекционере.

Первая моя публикация – интервью с Александром Владимировичем было опубликовано в газете «Комсомольская искра», где я тогда работал, в 1972 году – «В горах мое сердце».

Это был разговор о том, как одесский мальчик влюбился в горы.

Да, одесский. Хоть родился Блещунов в Харькове 25 августа 1914 года. Но в том же году семья переехала в Одессу. Здесь школа, здесь институт инженеров водного транспорта, здесь он, 22-летний студент создал тех, кого увлекал альпинизм и создал первую секцию.

– На мой призыв откликнулись пятнадцать человек. Среди них – профессор Кириллов, три члена дореволюционного Крымско-Кавказского горного клуба, но и десять молодых людей. И мы начали...

В 1938 году экспедиция на Памир вместе с биологом, профессором А. Е. Шевалевым, впервые прошли кольцевым маршрутом у ледника Федченко и горного узла пика Гармо. В память о том восхождении впоследствии один из пиков на Памире был назван пиком Блещунова.

В 1940 году начались исследования на Памире физиологии человека и растений на высоте 6000 метров. Предстояла огромная работа И тут – война.

Все годы на фронте. От Сталинграда до Берлина и Праги. Начал лейтенантом, закончил майором. Насколько любил рассказывать о вершинах, о людях, покоряющих вершины, настолько скупно говорил о войне. Самой правдивой книжкой считал «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова. Как только окончилась война, подал рапорт – отпустите в науку.

И Академии наук СССР понадобился его альпинистский и инженерный опыт. Нужно было создать высокогорную научную лабораторию на горе Аграц в Армении, а затем и электронный кольцевой усилитель.

Тогда началась дружба Блещунова с академиками И. Таммом, А. Алихановым, С. Хейфецом. А вообще он был человеком, который умел дружить. Он притягивал как магнит к себе умных, интересных людей. И дарил встречи с ними своим воспитанникам – бесчисленному альпинистскому братству Одессы.

Его дом был открытым домом. Проходишь вечером по улице – из окон музыка, в квартире всегда люди. Кстати, в коммунальной квартире.

На стенах – живопись, в шкафах разнообразные коллекции. И старинные веера, и пивные кружки, и медальоны работы Торвальдсена...

Мне казалось, что столько раз здесь бывал, что всё видел. Но, когда в трёх залах Музея западного и восточного искусства в 1980 году Блещунов показал все свои двадцать коллекций, понял, что всё это изучать и изучать...

После высокогорных экспедиций Александр Владимирович заведовал Проблемной лабораторией института холодильной промышленности. Уже начинались болезни. Мучила астма. И он задумался о судьбе своих коллекций.

В одном он не сомневался – всё должно принадлежать Одессе. И он написал первое завещание. Но потом пришло понимание того, что все коллекции раздробят по музеям. И более того, они попадут в запасники. Всё, что могли его ученики, друзья держать в руках, станет только карточкой в архиве.

Так пришла мысль создать в своей квартире Музей личных коллекций.

Но ведь для этого нужно было расселить коммуны... И ещё тысячи нужно... Казалось, все желания уйдут в бюрократический песок.

Помогал мэр города, ученик Блещунова в альпинизме Валентин Симоненко, помогали академики. Вмешался Дмитрий Лихачев. Я писал статьи... Увы...

Но однажды ранним утром у меня дома раздался звонок.

– Женя, я ночью придумал, что делать. Вы мне нужны – будем писать письмо...

Мысль, пришедшая Александру Владимировичу была не из советских. Он вспомнил, в царские времена с гуманитарными просьбами обращались к императрицам. Да и во время Великой Отечественной не Михай, а румынская королева Елена облегчала участь евреев в гетто...

И вот мы написали короткое, но яркое письмо на имя Раисы Максимовны Горбачёвой, как одному из деятелей фонда культуры.

Прошло две недели. И вдруг бюрократическое колесо начало вращаться. Вначале медленно, затем с невероятной скоростью.

«Письмо на контроле у Раисы Максимовны».

Симоненко получил выговор с занесением в учетную карточку. Но он был счастлив. На глазах рождался музей.

28 января 1989 года над парадной уже висела только что прибитая табличка «Музей личных коллекций»

Счастливый человек был Александр Владимирович. Войну прошел. Вершины покорял. Учеников, друзей множество. И при жизни открыл свой музей.

– Мы открываем не просто музей, – говорил в тот день Валентин Константинович Симоненко. – Мы открываем ДОМ.

Этот дом был нашим пристанищем многие годы, здесь был и домашний театр, где выступала подруга Блещунова графиня Капнист, здесь был музыкальный салон, где для нас играла Людмила Наумовна Гинзбург, здесь был выставочный зал, где показывал свои новые миниатюры Олег Соколов. Здесь велись споры о том, правильно ли мы живём, и мы многое понимали о себе в этих спорах.

И такой ДОМ в Одессе должен остаться для новых поколений.

Александр Владимирович умер 21 мая 1991 года.

Взял в руки некролог, что я тогда написал в «Вечерней Одессе».

Заканчивался он словами:

«Конечно же, лучшей памятью об этом человеке ото всех нас, от города, который он так нежно любил, будет забота о музее личных коллекций. Пусть музей получит его имя. Пусть никогда не гаснет гостеприимный огонек в доме по Гарибальди, 19, где приобщались к культуре, к мудрости, к интеллигентности несколько поколений одесситов.»

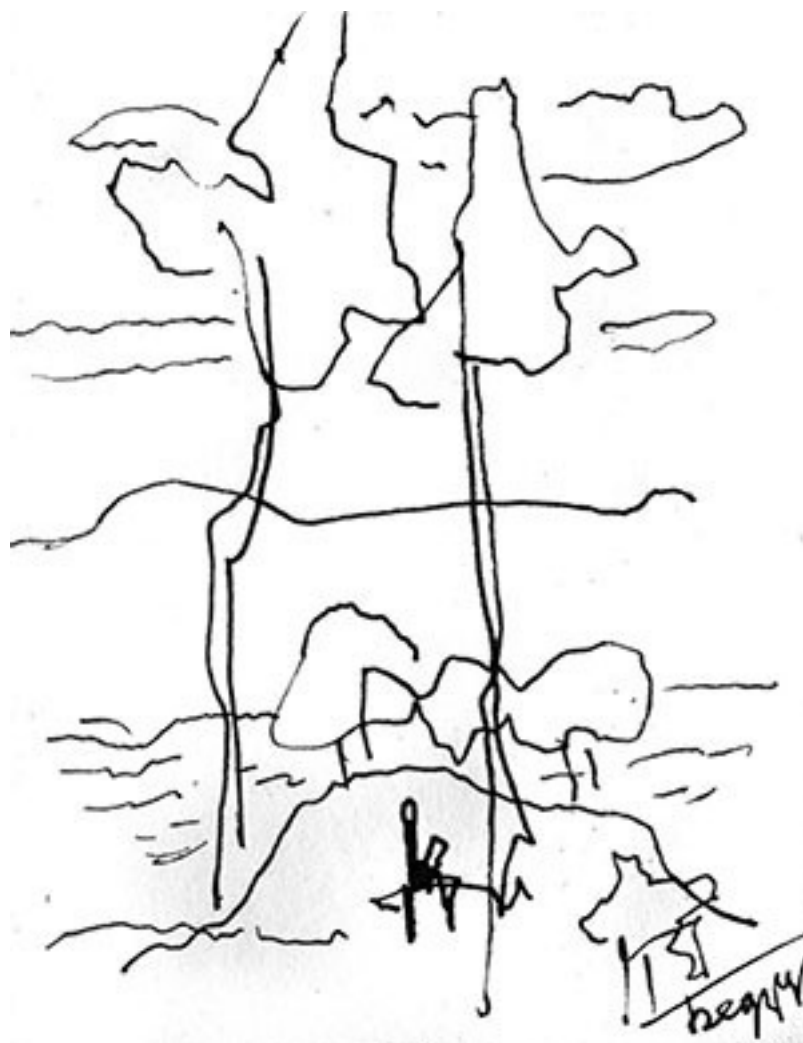
Сейчас Музей носит имя Блещунова.

Стыдно должно быть депутатам горсовета, которые на сессии в 1990 году не поддержали предложение о присвоении Александру Блещунову звания Почётный гражданин Одессы, сославшись на ещё не разработанный статут. И без их решений для города он один из самых ПОЧЁТНЫХ.

По традиции каждый год, 28 января вход в Музей на Польской, 19 (улице вернули её имя) свободный.

Так что бывают истории с добрым завершением.

Заходите в Дом Блещунова...

Семён Лившин шутит

Утром, взглянув на ленту фейсбука, прочитал сообщение, что 17 января завершилась земная жизнь Семёна Лившина.

Мы дружили. Вместе работали. Даже вместе начинали писать роман, который так и не завершили. Я ещё расскажу о нем, напишу.

А пока – эссе, которое было написано при его жизни и нравилось герою.

Говорят, поэты – пророки. Сами того не ведая, предрекают на века, к примеру, «умом Россию не понять»... Позволю себе продолжить мысль и высказать крамольную идею: и прозаики нередко провидят будущее. И пример из нашей, казалось бы, провинциальной жизни. В шестидесятые-семидесятые годы, победив несдающийся бастион под названием издательство «Маяк», журналист (а точнее, юморист-сатирик) Семён Лившин издал книгу с загадочным названием: «К норд-весту от зюйд-оста».

Кто мог тогда предположить, что спустя десяток лет автор – не виртуально, а реально, переместится вначале в Москву, в редакцию «Известий» (норд), затем в США, Сан-Диего (вест), где не только не перестанет быть журналистом и создаст первую (!) в Америке федеральную юмористическую газету с мажорным (школа Одессы!) названием «О'кей». И это в стране Марка Твена и О'Генри, Арта Бухвальда и Вуди Аллена.

Но вернёмся к истокам. Смею предположить, что в XXI веке на здании инженерно-строительной академии появится мемориальная доска: «У Семёна Лившина и Валерия Хаита, закончивших наш хедер, хватило юмора забыть свою профессию и возродить нежное отношение к юмору в Одессе, даже у очень руководящих товарищей».

Так как же всё начиналось? Свидетельствую как очевидец. Ничто не раздражало меня в газете «Комсомольская искра» так, как ежедневно приходящая, естественно, в отдел культуры, толпа «непризнанных гениев». Они несли стихи, поэмы, рассказы, романы, даже шарады. И вот в этой веренице нештатных авторов пришел Сёма Лившин с коротким рассказом. То, что текст был короткий, радовало, то, что он был художественный, а не документальный, огорчало. Я попросил его написать на эту же тему статью с реальными героями... из ЖЭКов. Знал на 90 %, что после такого задания «гений» в редакцию не возвращается. Но я не знал ещё Сёму Лившина. Через неделю его мама, Эсфирь Самойловна, она у нас впоследствии служила «почтальоном», принесла написанную им от руки, крупными буквами, статью. Хорошую статью. Её мы и опубликовали.

Нештатным автором Лившин оставался пару лет (как и я в свое время). Потом в редакции появилась вакансия – не помню, на полставки или на четверть ставки, такие у нас тогда были «игры», взяли Семёна.

Я употребил слово – «игры». А к этому времени Лившин уже прославился и в большой игре. Одесса не только соревновалась в межвузовском КВНе, но была приглашена и во всесоюзный конкурс. Именно экраны телевизоров принесли славу Валерию Хаиту, Юрию Макарову, Сергею Калмыкову, Валентину Крапиве. Кстати, последний написал и опубликовал книгу «КВН нашей памяти», где есть глава, посвященная Семёну.

Чего здесь только нет! И как Лившин писал «приветствия», и как выходил на сцену, и как угощал команду «взятым напрокат» июльской ночью на Пушкинской компотом. Прodelки молодости? Естественно. Но это был его характер, лёгкий, авантюрный, жизнерадостного человека, не терявшего и не потерявшего одесского шарма с годами.

В газетах – «Комсомольской искре», а затем в «Вечерней Одессе» – Семен Лившин доказал, что имеет право писать не только репортажи с политзанятий, со сдачи новостроек, но и фельетоны. Это он создал «Козлотур» и «Антилопу Гну», экипажа которой боялись чиновники

всех рангов. Обычно фельетоны писали в четыре руки (школа Ильфа и Петрова) – Лившин и Макаров, Лившин и Лошак, Лившин и Романов. Их фамилии были тогда на слуху у горожан. Нужно признать, что Борис Деревянко брал на себя ответственность за публикации. Он подписывал газету, он вел бои в обкоме, иногда подсказывал своим сотрудникам темы, иногда, увы, резал текст «по живому». Но таковы тогда были условия редакционной работы.

...Кстати, о редакционной работе. Думаю, все, кто зачинал «Вечерку», запомнили эпизод, когда в редакцию наведалься сановный гость – первый секретарь обкома П. П. Козырь. Он шел в окружении свиты, открывал дверь каждого кабинета, вежливо здоровался, иногда задавал стандартные вопросы. И вот дверь кабинета, где сидел Лившин сотоварищи. Козырь открывает дверь, смотрит на плакаты, пожарную каску, афиши концертов и буднично спрашивает: «Нет проблем?».

Дальше рассказывал Дмитрий Романов. Он увидел, как в глазах Семёна зажглись огоньки, попытался потянуть его за штанину, но было поздно. Как писали классики, «Остапа несло»:

– У нас всё в порядке. Но если у вас возникнут проблемы, приходите, обязательно поможем!

Козырь смутился. Свита отпрянула. Деревянко прикрыл дверь. Позднее он вызвал Лившина. С его слов знаю, что всё, сказанное в кабинете, на бумаге ни кириллицей, ни латиницей не передать, разве что резюме: «Вон!!!».

В памяти остаются такие вот шуточные – тогда драматические, ситуации. Но главным, конечно, были фельетоны и реакция на них. Тогда, после выступления газеты, нужно было отвечать, кого-то снимать с работы, кого-то из милиции разжаловать. В книге «К норд-весту от зюйд-оста» всего шесть фельетонов (кстати, понадобилось предисловие самого Сергея Михалкова, чтобы она тиражом в 65 000 экземпляров увидела свет и за месяц разлетелась из книжных магазинов города), но фельетоны и до сих пор кажутся остроумными. Это литература. Тем более – читаются пародии – тут Лившин был мастером. Кстати, общее название книги взято из пародии на морскую прозу Виктора Конецкого.

Чтобы вы представили себе иронию, стиль, жёсткость Семёна Лившина, приведу отрывок из его пародии на «Алмазный мой венец» Валентина Катаева:

«Вдогонку щурился подслеповатыми витражами бретонский городок Собака на Сене. Он знаменит тем, что никто из моих знакомых литераторов в нем не жил. Пончик ухитрился трижды не побывать там, хотя описал городок в сонетах до мельчайшей консьержки.

В ту пору Пончик ещё не стал поэтом с мировым именем Юрий, а был всего лишь талантливым босяком, каких в Одессе можно встретить на каждом шагу.

Что ни день, на литературном небосклоне Молдаванки вспыхивала очередная звезда. Тогда, где-то в двадцатых числах тридцатых годов, и родились строчки, которые до сих пор будоражат воображение каждого сантехника: «Кто услышит раковины пенье, бросит берег и уйдет в туман». Берег. Море. Белеет парус одинокий...

Сейчас уже трудно припомнить, кто придумал эту фразу – я или Дуэлянт. Да и стоит ли? Ведь позднее один из нас дописал к ней целую повесть».

В библиотечке «Крокодила» массовым тиражом эта пародия вышла ещё при жизни Валентина Катаева.

Кстати, к тому времени известинцы переманили Семёна Лившина в Москву. А потом там же он при театре Михаила Жванецкого открыл сатирический журнал «Магазин», который после его отъезда редактировал «правдоруб» Игорь Иртеньев.

А Лившин? Семья переехала в США, а с ней и наш герой. Но и в Сан-Диего он не захотел «терять форму». Началом было создание газеты «О'кей», а потом – невероятное. Американцы поняли, перевели, ощутили, что такое КВН. И неизменным членом жюри стал одесит Семён Лившин. Кстати, как видно, «жюристь» ему нравится. Дважды в США прошел все-

мирный литературный конкурс в Интернете среди одесситов – «Сетевой Дюк». И дважды в жюри был Семён Лившин.

«Поговорим о странностях любви» – назвал он третью свою книгу. Вот и поговорили.

Сегодня, пожалуй, я написал бы о Семене иначе. Горестнее. Невероятно талантливый человек, реализовавший себя далеко не полностью.

«Времена не выбирают»

Артистов провожают аплодисментами. Лившин их заслужил.

Светлая память.

Волшебник Резо

В Нью-Йорке с успехом идет фильм Лео Габриадзе «Знаешь, мама, где я был?», поставленный им по сценарию своего отца Резо Габриадзе, по рисункам Резо Габриадзе.

Об этом написала в своем аккаунте Саша Свиридова, режиссёр, кинокритик.

И я вспомнил, что когда писал о Резо, захотел посмотреть этот анимационный документальный фильм, но тогда с ютуба его почему-то сняли.

Вчера вечером ещё раз забил в поисковик «название фильма, смотреть онлайн, бесплатно» – и, о радость, даже несколько сайтов предлагают его к просмотру.

Удовольствие получил огромное. Очень советую. Мне кажется, что это фильм и для семейного просмотра, можно окружить себя детьми, конечно, старше 10 лет, чтоб понимали.

Неторопливо, с тонким юмором Резо в кадре рассказывает о своем детстве.

Мне кажется, что почти дословно записал первые фразы. Нет только неистребимого грузинского акцента:

«Грузия. Кутаиси. Только закончилась война, радостей было мало. Нервы у всех на пределе, беспризорные ходили стайками. Я жил партизаном в родном городе и единственным островом, где мне было хорошо, была библиотека № 6, которая висела над рекой»

Лет десять назад, будучи в Одессе, Резо в гостинице «Чёрное море», где остановился, читал мне фрагменты сценария – для сына. Он и артист моего театра марионеток, – говорил мне Резо – и актёр кино, но хочет снимать фильмы. Так что не быстро родилась эта кинокартина.

В десятках рисунков, которые оживают на глазах, превращаясь в мультипликацию, проходит перед нами детство Резо.

В школу опаздывает, выгоняют, на улице получает подзатыльники, даже похоронная процессия умудряется подставить ему подножку. И бежит по Кутаиси этот кудрявый мальчишка, похожий на Пушкина, только с длинным грузинским носом. Бежит в библиотеку. Ну и что, что холодно – библиотекариши по очереди греют ноги над примусом...

И оказывается в библиотеке «два любителя мировой литературы». Одного мы уже знаем – это Резо. Но есть и второй – Ипполит – это крыса, которая любит старинные корешки. Ничего, не страшно, с ней герой уживается.

Счастье – это температура 38. Приходит старый еврейский врач, освобождает от школы, но не навсегда. А в школе укором висят портреты Ленина и Сталина. И они разговаривают с Резо.

Ленин считает, что Сталин мягкотел, давно в расход нужно было пустить этого юного бездельника. А тут ещё и маленький Ленин из ордена Ленина у него же на груди поддакивает. А Сталин заступает. Зачем в расход. В ссылку, в Сибирь. Поднимать хозяйство нужно, а я вижу, что он станет электриком, с изолянткой пойдет по Сибири. Мы туда и доярку сошлём, они женятся, детей нарожают...

С огромным удовольствием я мог бы в деталях, в рисунках пересказывать фильм. И сны маленького Резо. И реакцию портрета Льва Толстого. И что поёт по ночам портрет Молотова... И насколько умна говорящая лягушка...

Резо великолепный рисовальщик.

Резо фантастический выдумщик.

Когда будете смотреть эпизод, как для бандита (у которого есть профиль, но нет фаса) он пишет свое первое произведение – письмо Маргарите, вспомните, что письмо Маргарите писал и Пиросмани.

Разные времена, разные художники, разные Маргариты – одна традиция.

И народную грузинскую песню – «Знаешь, мама, где я был», переведенную на русский язык Валентином Берестовым, поет в фильме Резо...

Этот фильм не поучает. Он учит воспринимать красоту.

Учит, что всегда можно отогреть улыбкой.

Важно и то, что фильм сделан на русском языке. Все войны раньше или позже оканчиваются, и народы, простые люди живут в мире.

Как немец – военнопленный, которого привели из лагеря помогать дедушке и бабушке Резо. Фашист, дед воевал с фашистами. А он сделал ему первый самокат, провел канализацию в домик, а когда умер дед, сложил ему гроб без единого гвоздя, что вся деревня удивлялась – как же они проиграли войну...

Какое разное детство – «Амаркорд» Феллини, этот фильм Габриадзе.

И какое прекрасное время – детство у каждого из нас. Даже голодное, холодное, горькое. Но – прекрасное.

Давайте подсказывать друг другу хорошие фильмы.

Я советую.

Концерт

«Одесситы бывают рассеянные и сосредоточенные.

Рассеянные – они рассеяны по всему свету, а сосредоточенные – сосредоточены только в Одессе» – если вы увидите на футболке синего цвета эту фразу Михаила Жванецкого, – знайте, этот человек побывал 21 марта на концерте Михаила Жванецкого.

Вчера состоялся юбилейный вечер в Одессе. После Запорожья, Днепра, Киева, дома – в Одессе. Мы помним – и как ждали это выступление, и как пытались сорвать, недопустить концерт так называемые «активисты», пытающиеся превратить Одессу в коцюбеевку.

Не вышло. И слава Богу. Есть народ Одессы. И то, что сегодня в моей ленте благодарность Наташи Жванецкой мэру Одессы Геннадию Труханову, мне кажется важным. Именно он сказал: «Приезжайте. Всё будет в порядке». И отвечал за свои слова.

Выступать в Оперном театре чрезвычайно трудно. Одиноким человеком на огромной сцене перед фантастическим по объёму залом.

Вспомнил слова Ахматовой о Блоке: «Трагический тенор эпохи»

А тут – не тенор, не трагик... Сатирик? Скорее – философ. Но зал в течении минут стал единым организмом, он дышал воздухом свободного слова. И тогда, когда стоя приветствовал в начале, и тогда, когда стоя не отпускал в конце, и когда взрывался аплодисментами на каждую реплику.

Читал Михаил Михайлович, как новые, так и старые эссе, фразы, жизненные наблюдения. И Одесса разговаривала с Одессой. Вот где было полное взаимопонимание.

Здесь не нужно было объяснять, что значит – в консерватории нужно что-то подправить. Знали, помнили, понимали...

Действительно, какое количество фраз Жванецкого ушло в народ. Борьба невежества с несправедливостью проходила и проходит на наших глазах и повсеместно.

А наши споры. Как часто, следя за дебатами, я повторяю фразу:

«Если ты споришь с идиотом, то вероятно, то же самое делает он».

Было у меня ощущение, что в первом отделении Жванецкий волновался. И всё равно, читал превосходно. Иногда переходя на привычную скороговорку, иногда замедляя темп речи, давая возможность насладиться фразой, как бы обкатать её у себя на языке.

А во втором отделении это был совсем уже раскрепощённый человек, радующийся взаимопониманию с публикой, с залом, а ещё точнее, с Одессой.

Между эссе, между монологами писатель разговаривал со слушателями, вспоминал эпизоды своей работы в Одесском порту, встречи в Одессе.

Если бы этот юбилейный концерт нужно было бы как-то назвать, предложил бы короткое и точное – «Я дома».

Сказал – юбилейный. Да, мы все поздравили Михаила Михайловича с 85-летием. Он и сам много говорил о старости. Радуюсь, что так много увидел. «В России нужно жить долго», – написал когда-то Корней Чуковский. Опыт Жванецкого тому подтверждение.

Но по яркости выступления, по отточенности мыслей перед нами был зрелый, а не старый человек, не потерявший вкус к жизни.

И сейчас он с той же убеждёностью говорит:

«Алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах».

Из нового, что прочитал Жванецкий на вчерашнем вечере, мне кажется, войдет в его книгу лучших текстов эссе «Что я люблю?».

Сразу же вспомнил Высоцкого – «Я не люблю, когда стреляют в спину. Я также против выстрелов в упор»...

Настроения совпадают. Не любит Жванецкий начальство, не любит предательство...

Попробую процитировать пару строк по памяти:

«Люблю море гладкое.

Море бурное уважаю, называю на «Вы».

Шутить в его адрес не намерен.

Море слишком злопамятно, как и мой кот...

Люблю, когда проходит боль и не люблю, когда проходит время...»

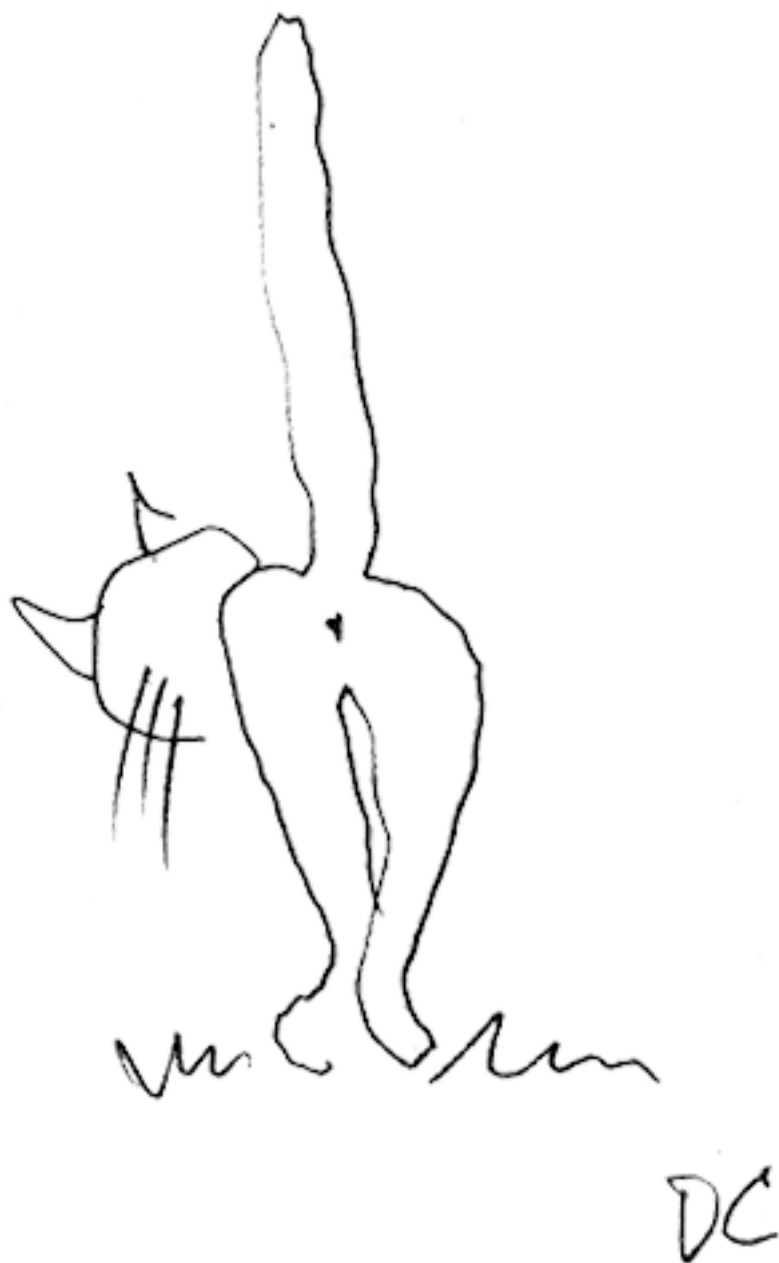
Это эссе Михаил Михайлович подарил нашему альманаху «Дерибасовская-Ришельевская» и оно будет опубликовано в ближайшем, июньском номере.

Большой, двухчасовой концерт. Мы выходили из театра на Ланжероновскую, где рядом со звёздами в честь Бабеля, Ильфа и Петрова, Катаева и Олеси, есть звезда Жванецкого. Радостно ощущать себя его современниками.

Человеку, который только что сказал:

«Как кому, а мне нравится думать»

Подхватим, превратим в эстафету – давайте думать.

Познавший одесский «Двор»

Девятого марта писателю Аркадию Львову исполнилось 92 года.

Написал письмо, поздравил его, а Михаил Пойзнер позвонил в Америку, пятнадцать минут разговаривал, передавал приветы, а потом позвонил мне, рассказывал, что Аркадий и сегодня, в 92 живет мыслями об Одессе.

Своим «Двором» введенный во дворянство.

Песенка Булата Окуджавы так легко переосмысливается в судьбе Аркадия Львова. Двор в Авчинниковском переулке, где прошли все его одесские годы, стал не только темой, но и смыслом его творчества. Роман и одесские рассказы, как бы воскресившие южнорусскую школу, ввели его в большую русскую литературу, в её «дворянский сан».

В середине 60-х годов Аркадий Львов был единственным в городе прозаиком, кто чувствовал Одессу, любил её, понимал одесский язык. И, естественно, его почти нигде в родном городе не печатали.

Почти... Потому что была такая газета, как «Комсомольская искра», которая делала вид, что не понимает «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе».

Каждый приход в нашу редакционную комнатку, на Пушкинской, 37 Аркадия Львова превращался в спектакль. Там сидели Саша Варламов, Юра Михайлик и я, но в эти часы туда перемещалось половина редакции. Как Аркадий умел пародировать голоса, интонации одесских писателей. Рядом в кабинете были уверены, что слышат Юрия Трусова, Юрия Усыченко, Григория Карева, объясняющих товарищу Львову, что нет места для него в Союзе писателей, нет и никогда не будет...

Хохот стоял такой, что приходили машинистки и переводчицы узнать, что произошло.

Это была единственная редакция, где Аркадий чувствовал себя как дома. А когда мы публиковали главами его повесть «Жизнь и смерть Чезаре Россолимо», к каждой подаче приносил иллюстрацию Олег Соколов. Два «изгоя» составили прекрасный тандем.

И редакторы В. Николаев, Е. Григорьянц, И. Лисаковский, сменяясь, как эстафетную палочку, передавали газете прозу Аркадия Львовича Бинштейна, укрывшегося под псевдонимом «Аркадий Львов» от бдящего ока цензуры.

А потом Аркадия Львова полюбила Москва. Конечно, не вся Москва, но В. Катаев, Б. Полевой, А. Твардовский, К. Симонов. Этого уже было достаточно, чтобы печататься в Москве, в самой многотиражной газете «Неделя», быть принятым в московское отделение Союза писателей, но было недостаточно, чтобы получить «красную корочку Союза писателей», а это было обязательным в те времена: принимать должны были по вертикали – Одесса – Киев – Москва.

Одесские прозаики не замечали своего коллегу, а когда он им слишком надоел пребыванием в столичной литературе, пошли доносы, один другого страшнее. Аркадий Львов, докладывали его коллеги, – главарь сионистского подполья в Одессе, представитель клуба «Бабель» в Варшаве.

Много позже, разговаривая с польским литератором, Львов узнал, что клуб писателей в Варшаве размещался на Вавилонской улице, а от Вавилонской до Бабеля – взмах пера...

Позднее, после четвёртой «беседы», генерал Куварзин, возглавлявший одесский КГБ, сквозь зубы скажет ему: «Не подтвердилось». И, тем не менее, его изгнали из родного города. Хорошо, что к тому времени его уже знали в Европе, была написана первая часть романа «Двор»...

Одно из самых страшных ощущений, которое он рассказал мне в одном из интервью. Многие годы его мучил один и тот же сон.

Хоть рукописи ему разрешили вывезти, таможенник по листу разбрасывает в аэропорту книгу. К молодому офицеру подходит сослуживец, ветеран, и тихо говорит: «Ты совсем очумел? Ведь ты человеческие мозги пускаешь по ветру!» И помогает сложить оставшиеся листы в портфель...

Разные были люди. Это всегда знал, всегда помнил Аркадий. И его эмигрантские рассказы не желчные, а мудрые, как и велит Одесса.

В эмиграции были дописаны второй и третий том романа «Двор», принёсший ему успех, славу, награды. Вот только два отзыва.

Нина Берберова: «Аркадий Львов – явление уникальное в американском, да и не только американском русском зарубежье...».

Айзек Башевис Зингер, лауреат Нобелевской премии: «Двор» – наивысшее достижение Аркадия Львова и, одновременно, одно из самых фундаментальных произведений современной литературы».

Кстати, название – «Двор» – ему подсказал Константин Симонов. Увидев здесь метафору, двор, как отражение империи, со своим маленьким сталиным, своими доносчиками, своими жертвами, общими страхами...

В 1976 году Аркадий Львов покинул Одессу. Работал в Вильсоновском центре, Гарвардском центре, но, прежде всего, писал. С 30 ноября 1976 года его голос зазвучал на радио «Свобода». Он работал для русской и украинской редакции, так как знал и языки, и проблематику. И за эти годы, кроме создания рассказов, романов, писатель непрерывно работает на «Свободе». Он выпустил 8000 программ – это 20 000 страниц текста!

В 1990 году, когда появилась возможность приехать в СССР, он прилетел в Москву, а затем в Одессу. Родной город притягивал его своей легендой, своей историей. Это была основа его литературы, здесь жили герои его «Двора».

Сколько раз он приезжал за эти годы в Одессу – не пересчитать. Посол мира. Посол экономических отношений. Посол литературы. Когда-то секретарь обкома партии Лидия Всеволодовна Гладкая, иронически улыбаясь, говорила ему, что писатели жалуются – он «непристойно много пишет». Отшутился и Аркадий: «Жизнь не удалась, нужно работать на бессмертие».

Помню, в декабре 2002 года, он вновь побывал в Одессе. Решением жюри при горсовете стал одним из «одесситов года». Это для него почётно. Ведь в основе – жизнь его двора, век его двора.

Привозил свой гонорар на создание памятника Бабелю. Выступал во Всемирном клубе одесситов.

«Двор» – в последний раз, когда мы виделись в Одессе, – всё ещё не был окончен. Но роман будет завершён. Это цель жизни. «Двор» возвёл его в литературное дворянство. Он отплатил ему тем же, прославив Одессу, Авчинниковский переулок, бабушку Малую на весь читающий мир.

Как-то с дочкой зашел в магазин «Сантим» на Троицкой, зады которого выходят в Авчинниковский переулок, и увидел в подвальном этаже, отделе вин, большую металлическую табличку в честь Аркадия Львова, прославившего эти места. Подумал – вот такому признанию, конечно же обрадовался бы Аркадий.

Да и я за него порадовался.

В Одессе вышел шеститомник Аркадия Львова.

Издательство Ивана Захарова в Москве выпустило отдельной книгой три части «Двора». Можно уже жить с гонораров, со славы.

А писатель «непристойно много пишет». И в памяти его голос на «Свободе», и знакома с ним каждая семья, новые поколения семейств его двора.

Каждый писатель выбирает для себя цель.

Кто – развлекает, кто – учит, кто – просвещает.

У Львова своя миссия: вернуть Одессе её образ, её славу.
Пожелаем же ему долголетия.
И будем ждать четвертый том «Двора».
И читать его прекрасную, пахнущую акацией одесскую прозу.

«Тщательнее»

Сегодня 85 лет Михаилу Михайловичу Жванецкому. Это значит 60 лет творчества. Непрерывного. В прямом смысле – ни дня без строчки. Поздравляем. А ещё точнее – пытаемся осмыслить.

Тщательнее.

Можно ли в одной небольшой книжке написать всё про нашу жизнь – и советскую, и послесоветскую, как нам объясняли – перестроечную, и нынешнюю, которую уже никак не называют, разве что по цветам предлагают определяться: бело-голубые, оранжевые, а тут тебе и красно-черные, и желто-голубые и белые настолько, что ищешь рядом коричневых.

Я бы и сам сказал, что нельзя.

Никакая самая разбританская энциклопедия нашего многоголосья и многоцветья не выдержит. И ошибся бы, так как всё про нашу эпоху рассказано в книге Михаила Жванецкого «Тщательнее».

Признаюсь, я прочитал её уже несколько раз, она небольшого формата, каких-то 446 страниц, и тексты в ней подобраны миниатюрные, такие, что без очков кажутся стихами, а в очках – афоризмами. Читать её можно с первой страницы до последней, и с последней – до первой, будто написана она одновременно на русском и на иврите.

И, что удивительно, понимаешь не только слова, но и смыслы, а, верней бессмысленность нашей жизни.

А, может, всю эту книгу народ написал, но чтобы в органах не выясняли кто, что и почему – поставили название этого народа – Михаил Жванецкий. Подумал и передумал. Не умеет так писать народ, ему автор нужен, даже для «Слова о полку Игореве» две сотни лет автора ищут.

Мог бы рассказать, кто такой Михаил Жванецкий. Но в Одессе есть чуть ли ни миллион человек, которые утверждают, что они с ним «на ты», что пишет он не для чужих дядей, а именно для них – всемирного содружества одесситов.

Хотелось бы поверить, но вспоминается фраза, давшая название всей книге:

Тщательнее надо, ребята!

И грустно становится, что это не только про москвичей, киевлян, но и действительно про нас, одесситов, при всей нашей смекалистости и легкомыслии.

Можно было бы на каждом сайте одесситов из дня в день печатать колонками афоризмы (стихи в прозе, парадоксы) автора. Но если мы смекалистые, то должны сообразить, что есть авторское право, есть закон. А вор, даже литературный, должен сидеть в тюрьме.

Испугались?

Правда, и по этому поводу у Михаила Жванецкого особое мнение.

«Наш человек смерти не боится, ибо не жил ни разу».

Я уже вижу, как много читателей готово со мной поспорить.

Не с Жванецким, я из его 446-страничной книжки цитирую всего десяток фраз. Но я считаю, что и их достаточно, чтобы мы поняли, как, где и с кем живем:

«Он так упорно думал о куске колбасы, что вокруг него стали собираться собаки».

При чем тут колбаса? А разве диапазон между – лучше тогда или лучше теперь – не измеряют часто колбасой? Правда, Жванецкий предлагает ещё один точный измеритель времени:

– Что такое без четверти два всё время?

– Это манометр.

Вот по манометру и прожили сто лет. Михаил Булгаков утверждал, что наших людей (думаю, он имел в виду и одесситов, он приезжал в Одессу в 1924 году) испортил квартирный вопрос. Жванецкий с ним не спорит, он находит свою формулу:

«Квартира уже давно важнее женитьбы и сильнее смерти».

И вот в таком безумном, безумном, безумном мире, как правило, вслушиваемся в непонятные слова:

«Пассажиры с билетами на Львов, рейс 3679, просят уйти из аэропорта».

Хорошо, если только из аэропорта, а когда из жизни?

«Мы по количеству врачей обогнали всех. Теперь бы отстать по количеству больных».

Шутки, скажете, прибаутки. Нет – жизнь. Наша жизнь во всей её непредсказуемости:

«Сколько натерпишься обвинений в хамстве, прежде чем узнают, что ты глухонемой».

А, может, мы все тут слепые, глухие, немые. Тогда понятно, почему мы так, мы тут, мы с этими живём. И веришь Жванецкому:

«Когда результат не нужен, трудно сделать процесс захватывающим».

Есть в книге фразы, которые уже вошли в нашу жизнь настолько, что без них и представить её (жизнь) нельзя.

«Что охраняешь – то имеешь! Ничего не охраняешь – ничего не имеешь! Недаром говорят: «Все на охрану всенародной собственности»...

Если от нашей эпохи останутся следы в мировой цивилизации, то точнее всего расскажут про нас не черепки битой посуды, не монетки из непонятного металла, не вошедшего в таблицу Менделеева, а короткие фразы из книг Жванецкого.

Вот у кого нужно учиться жить – тщательнее.

Поздравляю Мишу, Михаила Михайловича с днем рождения!

И дальше – ни дня без строчки. И дальше позицию не менять. Пусть власти меняют позиции по отношению к Жванецкому.

И дальше вдохновляться Одессой, веря в её будущее.

И дальше – до 120! А можно и дальше.

Профессор с лопатой

Есть люди, которых знаешь, если не всю жизнь, то почти всю жизнь.

Ты взрослеешь, стареешь, а они остаются молодыми, такими ты их запомнил, им нечего стареть в твоей памяти.

И лишь суровые числа возвращают тебя на грешную землю.

Как обухом по голове – сегодня Андрюше Добролюбскому семьдесят.

В этот дом, на Успенской, я пришел в гости в 1960 году. Дом, про который Валя Голубовская позже напишет – «потерянный рай одесских шестидесятых». Конечно, пришел к Ксане, но у неё в комнате всегда был её брат – Андрюша.

Ксанкина привычка всех передразнивать, всем давать домашние имена, вот и Андрюша проходил, как «Гадюша», и это было не обидно, а смешно.

Запомнилось, как «баба Нора», вдова уже почившего профессора Константина Павловича Добролюбского, как-то пропела – баском – Андрею:

«Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный, не пора ли мужчиною стать?»

Запомнил потому, что мне казалось, что в свои 13–14 лет Андрей настолько был не ребёнком, а плебоем, что можно было лишь восхищаться его мужанием.

Он великолепно плавал. Вроде бы все плавали, но он это делал артистично. Мне кажется, что в 16 лет он стал мастером спорта по плаванию...

А в те годы любил читать, в том доме читали все, любил играть в кегли... В этом не уверен, но в его комнате висел плакат, написанный Ксаной:

«Пока ты играешь в кегли, сын Алексеева-Попова умнеет».

Как видно, плакат подействовал. Андрюша умнел на глазах.

И ведь было в кого – не только Ксана, но и Лёня Королик, давали пример, как нужно учить языки, встречаться с интересными людьми, ходить на концерты, взрослеть...

В один из вечеров, что мы с Валеёй проводили в этом доме, возник вопрос – куда Андрею идти учиться. Хотелось ему, вслед за дедом стать историком, но мысли о всех идеологических дисциплинах, о том, что значит быть историком в СССР – пугала. И я предложил – свяжи жизнь с археологией, вроде бы скифы, сарматы и даже древние греки обходились без ленинизма.

Как пишет профессор, доктор исторических наук Андрей Олегович Добролюбский в своей книге «Одессея одного археолога», он до сих пор с благодарностью вспоминает тот разговор.

Истфак Одесского университета. Аспирантура у Петра Осиповича Карышковского.

Кандидатская диссертация защищена в Киеве, докторская в Петербурге.

Но главное – раскопки. Где он только не копал. Крым (Чуфут-Кале), Измаил, Аккерман, Осетия, Херсонская область. Его считали «везунчиком», не просто копал, находил. Не просто находил, описывал, писал статьи, книги.

И быть может, правильней сказать – главное, книги. Главное, смелые гипотезы, которые доказывал.

И что меня всегда радовало – он не умеет писать скучно.

Одна из первых его книг «Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья» читается с таким же интересом, как его «Тайны причерноморских курганов»

Много сил, внимания, энергии отдал Добролюбский изучению предистории Одессы.

Напомню его книги «Борисфен – Хаджибей – Одесса», «Античная Одесса».

И копал со своими студентами, с добровольными помощниками Одессу.

Думаю, у многих в памяти и замечательная разведка, совершенная Андреем Добролюбским и Олегом Губарем на Ришельевской угол Ланжероновской, где они нашли дом князя Волконского, одно из первых строений юной Одессы.

Кстати, во многих эскападах Добролюбский и Губарь были рядом. Не случайно Андрей стал сопредседателем, разделив эту ношу с Губарем, одесского Клуба городских сумасшедших.

Я уже назвал книгу «Одессея одного археолога».

Когда я читал её десять лет назад, а она вышла в 2009 году в Санкт-Петербурге, меня смущала бравада лёгкими победами на амурном фронте. Читал её сегодня и сам над собой смеялся. Да, Дон Жуан, но какой обаятельный. И нечего завидовать человеку, сумевшему совместить многообразие мужских достоинств.

Сегодня у меня в руках новая, ещё пахнущая типографской краской, книга Андрея Добролюбского «Имя Дрока»

Когда Андрей прислал мне рукопись, я понимал, что написана занимательная, лёгкая, нужная (это о Джинестре – предшественнице Одессы) книга, но издать её сейчас он не сможет. Посоветовались члены редколлегии альманаха «Дерибасовская-Ришельевская» и решили, что разделим рукопись на 4 части и в 4 номерах опубликуем. При этом я с первого номера обратился к меценатам – рукопись нужно издать как книгу, с цветными иллюстрациями.

И откликнулись. Рад этому чрезвычайно. На книге, что я держу в руках, написано: «книга издана благодаря содействию Инны Фиалко и Ильи Спектора».

Честь им и хвала.

Сразу сообщаю, что презентация книги пройдет 23 апреля во Всемирном клубе одесситов.

Когда-то я мог сказать, если вы встретите на улице молодого красивого человека в сандалиях на босу ногу – это профессор Добролюбский.

Когда-то я мог сказать, если мимо вас проедет на велосипеде молодой красивый человек с портфелем, полным книг – это профессор Добролюбский.

Когда-то я мог сказать, если на пляже, на плитах загорает человек весь световой день, отвлекаясь лишь на учёные беседы с учениками – это профессор Добролюбский.

И сейчас я могу сказать – он перенес операции, у него нелёгкая домашняя жизнь, но – всем чертям назло – он молод, красив, и главное – талантлив.

С днем рождения, Андрей!

Когда-то твоя мама, Мария Гавриловна, говорила тебе – ты не настолько гениален, чтоб умереть молодым. Видишь, и здесь была права. Но ты настолько талантлив, чтобы жить продуктивно и долго.

Одиссея Улисса завершилась, твоя Одессея (чувствуете разницу) продолжается.

Борисфен – Джинестра – далее везде!

Боречка

Вчера Одесса праздновала 75 годовщину освобождения от фашистских захватчиков.

И вчера минуло пять лет, как перестало биться сердце одного из лучших сынов Одессы Бориса Литвака...

10 апреля был его главный праздник. И в этот день он ушёл.

При его жизни, когда Борису исполнилось 80 лет, я написал о нём эту страничку в газете «Всемирные одесские новости».

И признание в любви, и оценка Дела, и извинение за то, что не всегда понимал его отношения с городским руководством – Гурвицем, Боделаном, Симоненко.

Борис, ты прав!

В начале было Слово. Мы помним об этом. Но куда реже думаем о том, что, в конце концов, всё определяется Делом. Это и есть главная мера.

Борис Давидович Литвак совершил, казалось бы, невозможное. Его Дело – это открытый в 1996 году Дом с Ангелом – Детский реабилитационный центр для детей с патологией центральной нервной системы и опорно-двигательного аппарата.

Но для того, чтобы открыть Центр, нужно было его с нуля построить.

Нужно было собрать высокопрофессиональный медицинский персонал, поддерживающий идею благотворительной помощи. Нужно было все последующие годы ежеминутно жить этим своим детищем, доставать деньги на оборудование и зарплаты, строить гостиничный комплекс для приезжих детей и их родителей, причем по евростандартам, создавать в Центре театр, галерею, а значит, атмосферу человеческого тепла.

Как всё это удалось Борису Литваку?

Думаю, важно даже не то, что он отдавал себя все 24 часа в сутки, не только то, что он окружил себя не помощниками, а соратниками.

Мне кажется, что Борис Литвак создавал Центр, этот Дом с Ангелом, но в то же время Центр создавал такую уникальную личность, как Борис Давидович Литвак, все помыслы которого были сосредоточены на поставленной цели.

Естественно, к этому были предпосылки. Бориса Литвака воспитала Одесса, отображением которой он является – с её юмором и героизмом, толерантностью и жизнелюбием.

Бориса Литвака воспитала Великая Отечественная война, которая навалилась на всех и на 11-летнего Боря с мамой. С мамой рядом он работал на заводе – для фронта. Рядом с мамой не мог сдержать слёз радости, узнав, что Одесса освобождена от фашистов.

Бориса Литвака воспитал спорт. И он впоследствии воспитал тысячи мальчишек и девочек, преданных спорту.

Бориса Литвак воспитали замечательные писатели, я мог бы называть многих и многих. Но, прежде всего, я вспоминаю Ильфа и Петрова, Исаака Бабеля, чья мысль: «Мы рождены для наслаждения трудом, дракой и любовью, мы рождены для этого и ничего другого» – стала жизненным девизом Бориса Давидовича.

Почётный гражданин Одессы. Думаю, для Литвака это самое точное определение. Правда, до того, как город присвоил ему это высокое звание, Всемирный клуб одесситов, по инициативе Михаила Жванецкого, дал Борису Литваку свою высшую награду – Почётный одессит. И это тоже было признанием того Дела, которому посвятил себя этот человек.

Наслаждение трудом, дракой и любовью – это именно о нём, это именно его постоянное состояние.

В марте 2010 года Борису Давидовичу Литваку исполнилось 80 лет. Мы знакомы больше пятидесяти лет.

Не всегда я понимал каждое слово, сказанное Литваком.

Но прохожу по улице Пушкинской, смотрю на Дом с Ангелом и вновь думаю, что Дело перевешивает все понятые и не понятые мной когда-то слова, и говорю себе, читателям газеты, любимому городу и юбиляру:

– Борис, ты прав!

И поздравляю этого замечательного нашего современника с восьмидесятилетием, с Дело́м, которое стало частью нашего города, самой насущной за последние годы.

* * *

Если бы я писал это вчера, сказал бы всё то же самое.

Думаю, более значительного подношения городу, чем Дом с Ангелом, никто за последние два десятка лет не сделал.

Как легко вспомнить, что порушено за эти годы.

Как трудно созидать что-то нужное городу и его людям.

Хоть дело не только в Доме с Ангелом.

Борис был человеком, которому можно было всегда позвонить, договориться о встрече, поговорить, получить совет...

А кому сегодня звонить?

Кто только не заходил в его маленький кабинет – Евгений Евтушенко и космонавт Гречко, Резо Габриадзе и Юрий Рост, Василий Аксёнов и Белла Ахмадулина... Как на огонёк шли в этот дом, на Пушкинскую.

Спасибо, Борис Давидович! Помним!

Рождённый в содружестве

К тому, что у нас непредсказуемое будущее, мы уже привыкли, но не хочется соглашаться с теми, кто делает непредсказуемым наше прошлое.

Это очень удобно, каждый раз заставляя учить историю с чистого листа.

Но мы не манкурты, мы знаем и помним, и что была смертельная битва с фашизмом, что 9 мая мы празднуем День Победы, а 10 апреля день освобождения Одессы от оккупантов.

Никакие институты национального беспамятства не убедят нас в том, что сотрудничество с фашистами, борьба с советской армией – это хорошо, а оборона Одессы в рядах Чапаевской дивизии – это плохо.

Почему назвал именно эту дивизию? Потому что росчерком пера господин Саакашвили зачеркнул её на карте Города-героя. Забыл, как видно, что героем город стал благодаря героизму солдат той же 25-ой Чапаевской.

Так у нас обращаются с историей, с памятью.

Думал об этом вчера вечером, когда принимал участие в презентации нового альбома «Одесса. 1941–1944. Неизвестные страницы», в авторский коллектив которого входят Михаил Пойзнер, Олег Губарь, Олег Этнарович и др.

Презентация в Литературном музее прошла достойно. Признаюсь, меня вначале смутила театрализация встречи, одетые в военную форму молодые ребята, потом выяснилось, что это военные реставраторы и поисковики. И запланированные концертные вставки, но оказалось, что всё сделано со вкусом, от ансамбля юных скрипачей, исполнивших мелодию «Темная ночь» до великолепного детского хора, тонко и нежно исполнившего песню Тони из «Белой акации» Дунаевского. И всё это придало разговору глубину и душевность.

Выступили все авторы альбома, объяснившие, что постарались дать читателю самому разобраться в том, как проходила оборона Одессы, какой была оккупация, чтоб не думали, что опереточная, как пришло освобождение. И всё это только на документах. Смотрите и думайте.

Пожалуй, прежде я мог бы утверждать, что нашему городу, Одессе, повезло – в литературе, искусстве, мемуарах о нем сказано так много, что «одессика» сама стала страницей великой истории, мировой истории. И всё же я мог так говорить, так писать прежде, считая, что В. Катаев и К. Симонов, Я. Халип и М. Рыжак, Г. Поженян и Л. Утесов, В. Некрасов и И. Эренбург, к примеру, навсегда запечатлели Одессу в Великой Отечественной войне.

И только теперь, хоть и я сам писал о героях обороны, о подпольщиках и освободителях родного города, хоть пытался развенчать лживые легенды и ввести подлинные факты, так вот, теперь я убеждаюсь, что история Одессы, с 1941 по 1944 год была не то чтобы безликой, но всё же односторонней, она, эта история, не смела показать всю сложность, неоднозначность жизни людей и города в эти годы...

Что же побудило меня вернуться к истории Одессы времен Великой Отечественной?

Очень многое. Начиная с рассказов моей жены, что значила оккупация для её семьи, встреч с ветеранами, с Валерием Барановским мы сделали документальный фильм о 25-ой Чапаевской дивизии, кончая личными встречами с маршалом Петровым, вице-адмиралом Азаровым...

Огромное впечатление на меня произвел массив документов в коллекции Пойзнера.

На основе своей личной коллекции, на собиранье которой ушли многие годы, Михаил Борисович Пойзнер создал альбом «Оккупация. Одесса. 1941–1944». Когда он вышел из печати и я, и сотни исследователей, историков Одессы (а М. Пойзнер – доктор технических наук), смогли увидеть трагическую и обыденную жизнь города времен оккупации, представленную, как говорят кинематографисты, – крупным планом.

Очень точное, аналитическое и поэтичное, предисловие, всего в одну страницу, написал тогда к альбому Олег Губарь. Понимая, что фотоальбом, составленный из фотографий людей, документов, открыток Одессы – это документалистика, Губарь одновременно убежден, что личное сопереживание судьбам, событиям, сам строй альбома, подбор коллекции делают его подлинным художественным произведением.

Позволю привести концовку этого блестящего эссе, делающего честь и автору предисловия и его другу Михаилу Пойзнеру, кстати, смело введшего в контекст книги и фотографии своих родных, и фотографии родителей друзей – тех, кто был связан с Одессой в те нелегкие годы.

«Нет, не может гуманитарная наука, – пишет Олег Губарь, – быть не художественной, не может она быть одним только снобистским знанием статистики, геральдики и прочего изощрённого крохоборства. И разве прошлое в нашей памяти, в нашем сознании предшествует настоящему? Это же так очевидно! Прошлое и настоящее в нас всегда рядом, по соседству. Более того, для многих прошлое впереди, им живут. Времена в самом деле не выбирают. Это они выбирают нас. Но – вопреки всему! – Михаил Пойзнер выбрал свое время. С осторожной надеждой сказать о нем правду».

Я думаю так же. И я мог бы подписаться под этим утверждением, так как убежден, что не поняв прошлое, не прожив его, не пропустив сквозь свои мысли и чувства, не будешь ориентироваться в настоящем, да и будущее может оказаться для тебя тем же прошлым.

Создавая новый альбом, его авторы, его дизайнер Леонид Брук, конечно же продолжили дело, начатое в первом альбоме. Я бы сказал, довели до совершенства. Альбому предпослана очень личностная, серьезная статья Михаила Пойзнера «Беда не к лицу Одессе»

А затем – одни названия глав – а текста авторского в них нет – это только и только документальные свидетельства войны, Одессы в войне – подтверждают, что из документальности вырастает художественный образ.

Итак, главы: «Утомленные солнцем», «Осажденный город», «Оккупация», «Освобожденный город». И под каждой из этих глав помещены жесткие и точные, а главное – личностные документы.

Потемкинская лестница в 1941 году. Сколько раз она будет появляться в альбоме, снятая любителями, советскими и румынскими фото- и кинохроникерами. И всегда будет восприниматься по-разному, как разными были эти трагические годы войны. И в освобожденной Одессе – огромный снимок, победившие солдаты Советской армии – коллективный снимок на Потемкинской лестницею Фото, ставшее плакатом.

А дальше – одна из многочисленных довоенных открыток «Привет из Одессы», групповой снимок на фоне портретов Ленина и Сталина, фотография всемирно известного скрипача – вундеркинда Буси Гольдштейна, пляжные, санаторные снимки, ещё ничто не предвещает трагедии. Но ещё страница, и вот уже рядом с одесситами – орудийные стволы, на Оперном театре – портрет Сталина... И вот так, страница за страницей, перелистываешь эти 200 страниц, бездна фотокомпозиций, на которых карточки на хлеб, пропуска в порт, эпизоды пребывания маршала Антонеску в Одессе, театральные афиши, адреса врачей... И лица десятков жителей Одессы из тех тысяч, нам неизвестных, но погибших в лагерях и гетто. Сгоревших в крематориях или павших на полях сражений...

Но если бы альбом был только мартирологом тысяч и тысяч одесситов, евреев и русских, украинцев и молдаван, немцев и греков, он отразил бы только один – самый страшный лик войны. Но рядом с трагедией шла будничная жизнь – афиши концертов Лещенко, трамвайные билеты, ученические табели с отметками, комиссионные магазины, врачи, исполняющие свой профессиональный долг, педагоги, ученики...

Я открываю наугад одну из страниц и вижу плакат: «Эвакуированные евреи! Регистрируйтесь сразу же на сборном пункте для эвакуированных. Улица Льва Толстого, 1». Сколько

раз я стоял у этого дома, где ныне школа № 121, я ведь учился, заканчивал школу 107-ю, там же, на Льва Толстого. Вроде бы не про меня, но про меня... хоть мне повезло. Отец, тогда лейтенант Красной Армии. Отступая из Одессы, вместе с ещё двумя офицерами-одесситами добились разрешения забрать в военный поезд семьи.

Можно пересказывать и пересказывать. И о том, как работала Публичная библиотека, во главе которой стояла мужественная женщина А. Н. Тюнеева. Кстати, я хорошо знал её, философа, теософку. В память о ней у меня хранится с её автографом «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе Ивана Бунина. А сын её – красный офицер – собирал библиотеку о белой гвардии. За каждую такую книгу в 50-е годы можно было превратиться в лагерную пыль.

Я убежден, что у каждого этот альбом вызовет свои ассоциации. Но главное – он создан. И – хоть боюсь громких слов – это подвиг одессита, собравшего личные письма, документы тысяч людей, создавшего облик оккупированной Одессы, всмотревшегося в лица одесситов, сохранившего реалии той жизни в виде открыток, документов, этикеток, объявлений, приказов...

Спасибо, Михаил Пойзнер! Спасибо всем его коллегам, кто помог сделать его коллекцию альбомом для школьников и ветеранов, для краеведов и далёких от истории людей, но гордящихся, что они одесситы.

В ходе разговора об альбоме выступил и городской голова Геннадий Труханов... Говорил, что для него, для семьи, в которой он вырос, значил подвиг Одессы в Великую Отечественную войну. Много интересного говорил. И боль звучала в его словах, когда речь шла о беспамятстве, о вандализме.

Посмотрел, тираж у альбома по нынешним временам большой – 1000 экземпляров. Хотелось бы, чтоб он был в каждой библиотеке, в каждой школе. Прикоснувшись к альбому, ощущаешь, что он горячий, в нем пульсирует кровь, а не типографская краска, трудно с ним в руках оставаться равнодушным.

Цена свободы слова

Этот пост нужно было опубликовать вчера.

Но я уже написал вчера о Диме Романове и ставить материал ещё об одном журналисте в тот же день мне показалось неправильным

Лучше запомнится, воспримется, если о каждом отдельно.

5 мая, вечером – и так много лет – Валя, Аня и я шли в гости к Виталию Чечики и Ларисе Сикорской.

У Виталия 5 мая был день рождения. За столом собирались несколько друзей: Юра Владыченко с женой, Наташа Барышева с мужем, Юра Михайлик с Эддой...

Не только архитектор, но и кулинар Виталий был отменный...

Боюсь, что многие забыли этого человека.

А я, думая о своих грехах, помню, что в журналистику привел Виталия Соломоновича Чечика я, не представляя, к какой это приведёт беде.

И Лариса, и Виталий были архитекторами. Уговорил их написать несколько статей про состояние архитектурных памятников Одессы. Написали. Мы опубликовали их в «Вечерке». Лариса продолжала преподавать, а Виталий, войдя во вкус, всё чаще спрашивал – о чем ещё написать, что волнует читателей.

Витя был абсолютно не публичным человеком. Даже в компании друзей он мог тихо взять в руки книгу и сесть в углу на стул, чтоб почитать, поразмышлять.

Редко вступал в споры, отмалчивался. Ощущение было очень надёжного, крепкого человека, которому можно доверить всё – деньги, ребенка, заботу о больном, но только не... расследования.

А вот в этом я ошибался. Да, кабинетный ученый, стеснительный, сверхинтеллигентный, но ему захотелось – действия.

Пришел как-то Виталий ко мне в кабинет, на 8-ой этаж, в «Вечерку». И в этот вечер я познакомил Чечика с Деревянко. Понравились друг другу. В Чечике была основательность технаря. Не общегуманитарные рассуждения, а колонки цифр, расчёты, доказательность. И Борис Федорович взял Чечика в штат, предложив заняться проблемами ЖКХ.

В почте редакции тема необоснованных взиманий денег звучала очень часто. Как-то я читал рассказ архитектора и художника Юрия Письма-ка, как он пришел жаловаться, что деньги платит, а в квартире ледник. И Виталий Чечик показал ему пакеты писем с той же самой жалобой, чуть ли не из всех районов города.

Неделями пропадал Чечик у тепловиков.

Выводы его были ошеломляющие. Все тарифы завышены. Нас элементарно грабят, нас, это каждого квартиросъёмщика.

Опубликована была серия статей.

Мэрия подала на автора в суд, требуя... миллион, как компенсацию за моральный ущерб. Но у Чечика были на руках документы и расчёты.

Вот тогда «неизвестные» и рассчитались.

Встретили Виталия в парадной его дома. Избили железными прутами... Не стесняясь, говорили, чтоб больше не писал... Это был 1997 год.

После больницы он вернулся в редакцию. И не испугался. И не оставил своё журналистское расследование.

Более того, его аргументированную статью опубликовала киевская газета. Вновь Эдуард Гурвиц подал в суд на газету. И вновь бы проиграл – у Чечика были скрупулезные расчёты. Его уже вызвали в Киев, на суд, это было ещё через два года, в 1999-ом, но поехать ему бандиты не дали.

Его «нашли» вторично. И вновь избили. Но на этот раз – смертельно. В реанимации не смогли спасти.

Если вы думаете, что нашли киллеров, определили заказчиков – ошибаетесь.

Смерть Виталия Соломоновича Чечика, моего друга, – не единственная расправа с журналистами в нашем прекрасном городе.

Так что свобода слова – это не прекраснодушные пожелания. Журналисты гибли от рук тех, кто боялся свободного слова – Борис Деревянко, Юлий Мазур, Володя Бехтер, Виталий Чечик...

Написал и посчитал – Виталий Чечик умер весной 1999 года.

Двадцать лет прошло.

Никто не понес наказание.

Одарён по-царски

Для журналистов из «раньшего времени» день 5 мая был профессиональным праздником. Вот и мне сегодня захотелось вспомнить о журналисте той поры, моём коллеге, моём товарище, которого два десятка лет тому знала вся Одесса.

У царского рода Романовых были несметные сокровища. Как никак, «хозяева земли русской». Но чего у них не было и быть не могло – «Золотого пера» одесского мэра.

Дмитрий Васильевич Романов никакого отношения к своим коронованным однофамильцам не имел, но человеческим и журналистским даром был наделён природой щедро, по-царски.

Мы познакомились с ним в 1973 году на Пушкинской возле редакции ТАСС-РАТАУ. Он мягко произнес – Дима, не акцентируя фамилию, тем более отчество.

«Вечерка» только создавалась. Дима пришёл наниматься на работу. Он не был из тех, кто перешёл в «Вечерку» из «Комсомольской искры», его никто не рекомендовал, он, что называется, пришёл «с улицы». Конечно, не с пустыми руками. С фельетоном, вернее, текстом, который считал фельетоном. Но в его биографии был шарм. Он закончил станкостроительный техникум, затем заочный филфак, но работал пожарником. И был предан этой профессии. И Борис Деревянко рискнул – взял никому не известного «технаря», отправив его в отдел писем (читай – фельетонов) к Семёну Лившину.

Сейчас, когда «Вечерка» приближается к 46-летию, я вспоминаю с нежностью и грустью те дни. Какие мы все были разные, как много нас объединяло! А более непохожих людей – по темпераменту, росту, умению острить, а то и злословить, чем Дима Романов и Сёма Лившин, казалось, и выдумать нельзя. И тем не менее именно они в четыре руки написали большинство фельетонов «Вечерней Одессы», составивших её славу.

Нередко подключались и две руки Вити Лошака. Две недели тому, в апреле 2019-го мы сидели с ним на даче, увы, не на фонтанских дачах нашей молодости, а в симпатичном ресторане «Дача» и вспоминали и Семёна Лившина, и Дмитрия Романова... Они с нами навсегда...

– А помнишь коронную фразу Димы – «у него одна беда, он ходит всегда по одной стороне улицы, а деньги по другой»

– А помнишь, как вечно Лившин и Романов играли в доброго и злого следователей. Дима с его чеховской бородкой, всепонимающим взглядом, как бы гарантировал, что вас подставили, всё образуется, а Семён задавал жесткие вопросы...

Иногда я попадаю на Тираспольскую площадь. Всё изменилось вокруг. А каким замечательным местом для любителей вина и юмора был подвал «Антилопа-гну», который мы, шутя и веселясь, открывали в первоапрельский праздник. Мне было приятно, именно я придумал друзьям название для их сатирического отдела, привел к ним художницу Нину Никонову, которая нарисовала плакат «Антилопы-гну». Правда, Нину на этом я потерял – влюбилась в Диму Романова, но это происходило со многими дамами...

Но Тираспольской площади на открытии кабачка пели барды, звучали шутки...

Именно там Дима прочел один из лучших своих фельетонов – «Принудительное адажио», написанный в соавторстве с Семёном Лившиным. Это была традиция и способ самозащиты.

«Что делает хозяин, когда в окне вылетает стекло?

Если он умелец-золотые руки, он берет в эти руки алмаз, из правого кармана – стекло, из нагрудного – замазку. И, глядишь, через полчаса всё в порядке.

Но этот хозяин был не умелец, а наоборот. Поэтому он достал из правого кармана три рубля и робко позвонил в ремонтно-строительную контору».

Надеюсь, вы ощутили стиль авторов, восходящий к Ильфу и Петрову. А темы могли быть разнообразны, как жизнь «Привоза» или милицейского участка, «Скорой помощи» или ЗАГСа. Не помню, пришлось ли Диме для фельетонов играть роль новобрачного. Но «Скорая помощь», его брала, увозила и показывала все возможности советской медицины.

Рассказы о медицине и её героях были любимым устным творчеством Димы. Рядом с нашей дачей на Фонтане была дача замечательного хирурга Якова Ермуловича, с которым мы все дружили. Вот тут Дима мог за рассказы получить не только «Золотое перо», но и золотой скальпель, но он как-то не стремился к этому. Его увлекал фантазийный, смешной сюжет. И уже никто – ни Ира Пустовойт (его уже не первая жена), ни Витя Лошак и Вера Крохмалева (его друзья) – не могли понять, где вымысел, где реальность.

Дима был очень одесским человеком. Родился в 1943 году, в оккупации, притом, что мама его была еврейкой. Пряталась, рисковала жизнью каждую секунду, но полюбила, но родила ребёнка. И выходила, вынынчила. Я знал маму Димы. Она в семидесятые годы работала кассиром в рыбном магазине. Милая, добрая женщина. Вроде бы ничего героического, но с сильной волей, с пониманием, что хорошо, что плохо. И нельзя переступить. Это унаследовал у неё Дима. Как и чувство иронии, самоиронии.

Однажды поздно вечером Дима и Ира привели к нам на дачу своего гостя из Молдавии, шепнули, что это очень важный и нужный им человек. На стол поставили молдавское вино. И Дима начал бесконечную импровизацию о творческом потенциале «Вечерки» и хозяина дачи. Он так живописал и гиперболизировал все свои оценки, что гость из солнечной Молдавии с каждым Диминим словом чувствовал, будто пребывает в обществе каких-то легендарных людей. Длилось это долго. Гость наконец встал, вывел меня с веранды в сад и проникновенно попросил: «Пожалуйста, покажите мне, где вы пишете!». Я решил, что это молдавская застенчивость и деликатность, и гость пользуется эвфемизмом. Ни на минуту не сомневаясь в истинном желании гостя, я подвел его к дачному туалету и распахнул перед ним дверь...

Как обиделся на меня именитый гость...

Я быстро понял, что дал ужасную промашку! Дима хватался за голову, но в глазах его играли весёлые чёртики.

Таким весёлым, неугомонным я видел Романова и через годы, когда он работал в «Труде», в «Круге новостей».

Как-то не думалось о наградах, больше – о сражениях. В его жизни их было превеликое множество. И ведь героями фельетонов были не токмо работники ЖЭКов. Случались битвы и пострашнее, помню, сколько крови Романову и Крохмалевой стоил фельетон о набравшем тогда силу нынешнем нардепе... А как вместе с Семёном Лившиным им удалось снять с работы всесильного главврача Еврейской больницы. Уже был написан фельетон, уже Деревянко подписал его в номер, но... вмешались какие-то «могущественные» защитники и фельетон в тот день не вышел. Но у «Вечерки» тоже были друзья, ей покровительствовал одессит, зав. отделом фельетонов «Известий» Владимир Надеин. И тогда фельетон появился в «Известиях». Спор с местным партруководством «Вечерка» выиграла, а не проиграла.

Возглавлял в «Вечерке» Дмитрий Васильевич и отдел экономики. Потом его заменил в отделе Игорь Розов. Думаю, и он многое мог бы рассказать о совместной работе с Романовым. Они по-настоящему дружили.

В 2003 году один из фундаторов «Вечерней Одессы» – Дмитрий Васильевич Романов – ушел из жизни. За две недели до дня рождения, до шестидесятилетия. Не победили рак в двадцать первом веке. Но среди первых, кто получил «Золотое перо» мэра Одессы за 2003 год, – его фамилия, за вклад в журналистику Одессы. За то, что «Вечерка», созданная Борисом Деревянко, стала действительно одесской газетой, которую знали и любили во всем Советском Союзе.

Не умеем мы распоряжаться своим богатством – собрать бы все фельетоны, очерки, статьи Дмитрия Романова, воспоминания о нём, честное слово, книга бы вышла голубых кровей.

Сейчас в «Вечерней Одессе» создан славный музей истории газеты. Нашелся бы молодой журналист, кто бы пролистал газету за прошедшие годы, составил бы такой сборник, думаю, и Виктор Лошак, и Вера Крохмалева, да и я написали бы для него предисловие. Газеты действительно живут один день.

Память о людях долговечнее.

Праведница

Нарушу сложившуюся традицию.

В этот день, 22 июня, сколько бы ни прошло лет от 1941 года, мы вспоминаем погибших на фронтах Великой Отечественной, выживших в сражениях, победивших.

И я много писал о воинах. Не о своих родных, не о дяде, погибшем в первый месяц войны, не о втором дяде, тяжело раненом при обороне Москвы, не о двоюродном брате, расписавшемся на Рейхстаге, не об отце...

В те годы, что работал в газетах, не принято было писать о родных, даже о близких знакомых.

И всё же одна тема, одна судьба живет в моем сердце многие годы. Что-то, где-то, как-то писал. Но не так, как хотелось.

И всё время не отпускает чувство вины.

Не воздали по заслугам человеку.

И вот сегодня, 22 июня 2019 года, я хочу напомнить о подвиге ...немки.

Да, да. Немки Анны Мюллер.

Начать придется издалека.

Анна Мюллер родилась в последнее десятилетие XIX века в Австро-Венгерской империи. Мюллер – это фамилия по мужу, за которого вышла замуж, с кем в начале XX века переехала в Америку. Дела у молодых пошли хорошо, подняли дом, обзавелись хозяйством, родили двух дочерей – Елену и Жозефину... Много работали, хорошо зарабатывали, но Джозеф, муж Анны, увлекся социалистическими идеями. И когда читал про голод в Советской России, про неурожаи, детдома, принял решение – продать всё имущество, купить на эти деньги трактора и отправиться помогать строить социализм.

В 1924 году Джозеф и Анна осуществили свой план. Определили их в совхоз под Херсоном, трактора, естественно в сельхозтехнику, рулоны ткани на платья детишкам в детдома, но бывшие владельцы давали советы, решено было их отселить в Одессу, чтоб не мешали хозяйствовать...

Так в 1928 году Мюллеров поселили в одноэтажное барачное здание, на Белинского, 6, в две комнатки (туалет во дворе). Описать квартиру могу в деталях. Я многократно в ней бывал с начала шестидесятых годов, приходил сюда к своей подружке Лине Шац (сегодня это известный итальянский и русский поэт и художник Эвелина Шац), тут общался с ее мамой Еленой Осиповной, тетей Жозефиной Осиповной, с бабушкой – Анной Мюллер (мы обращались к ней – Анна Матвеевна).

Так что историю этой семьи знаю не понаслышке.

В предвоенные годы Жози, учившаяся в немецком педине, был такой в Одессе, вышла замуж за сокурсника, немца из Петерсталя, Эдуарда Штефана, а Хелен, учившаяся в художественном училище, вышла замуж за еврея, художника Мануэля Шаца. И в той и другой семье рождается ребёнок. У Штефанов – сын Эдгар, с ним позднее будет вместе учиться, дружить Феликс Кохрихт, у Шацев – дочь Эвелина...

Начинается бесславная советско-финская. Эдуарда Штефана призывают в армию. А Шацы, чтобы продолжить художественное образование едут в Ленинград, поступают в Академию.

После финской вернулся домой Штефан-старший. И имел неосторожность сказать кому-то из знакомых, что вооружение Красной армии далеко от современного. Через несколько дней его арестовывает НКВД.

Так начинается новый этап жизни семьи.

Но ведь есть старая поговорка – беда не приходит одна...

Не знаю, 22 июня 1941 года или ещё через день пришли за Джозефом Мюллером. Дочь Жозефина, беременная вторым ребёнком, пыталась не дать арестовать отца. Забрали и её. Спустили несколько дней в камере преждевременные роды. Младенца, конечно, не спасли.

А в Одессе, на Белинского, 6 оставалась Анна Мюллер с двумя детьми – Линой и Эдгаром.

Эвакуация, родители Мануэля Шаца с огромным трудом получают билеты на пароход «Ленин». Берут с собой Лину.

Анна Матвеевна узнает, что «Ленин» погиб.

Как тут не сойти с ума. Арестован муж. Арестована младшая дочь. Арестован зять. А тут ещё сообщили, что погибла внучка... Но у неё на руках внук, его нужно вырастить.

Лишь после войны она узнает, что семью Шац не смогли поместить на «Ленин» и дали возможность сесть на другой пароход. Лина осталась жива.

А 16 октября в Одессу пришли румыны.

Задумываюсь, что должна была испытывать Анна Мюллер в те часы, в те дни. Ненависть к советской власти? Желание мстить? Оказывается, человек много сложнее, чем можно представить. Своё горе не могло помешать увидеть горе других. А горе было рядом. В их дворе. Начали выгонять в гетто, уничтожать евреев.

Чтобы Вам стала ясна ситуация, я должен точно описать квартиру Мюллеров: небольшой передний двор ведет к крошечному коридору. Слева от него находится большая гостиная, справа – небольшая комнатка и прямо по коридору кухня. Точно так же выглядит квартира соседей Мюллеров. Осенью 1941 года, когда немецко-фашистские и румынские захватчики вошли в Одессу, единственная разница между этими двумя квартирами была только в том, что в квартире Анны Мюллер был небольшой картофельный погреб, в который можно было легко забраться через отверстие в коридоре. У Грицюков – соседей Анны Мюллер такого погреба не было.

Это были не просто соседи, а хорошие друзья. Когда румынские оккупационные власти объявили, что на следующий день всё еврейское население города должно было собраться в определённых пунктах, тогда сын соседей Анны Мюллер – Николай Грицюк сказал, что он бы тоже быстро соорудил погреб, чтоб укрыть в нем свою жену – еврейку.

Без долгих раздумий, Анна Мюллер предложила спрятать Веру Гинзберг-Грицюк в своём погребе. В эту же ночь Вера Гинзберг на два с половиной года исчезла из родительского дома Николая. Для Анны Мюллер – это было началом двух с половиной лет огромного риска, риска, что её постигнет незавидная участь: быть повешенной с табличкой на груди – она прятала еврейку.

Нужно было понять, что делать с внуком...

Нужно было понять, как зарабатывать на хлеб...

Нужно было понять, как выдержать сплетни двора, что у пятидесятилетней Анны завелся молодой хахаль Николай, так часто он стал захаживать к соседке...

Нужно было еженощно, два с половиной года, выносить ведро в дворовую уборную.

Нужно было улыбаться фашистам...

Когда-то, когда я впервые рассказал эту историю заведующему корпунктом Агентства печати новости Иосифу Пикаревичу, он попросил меня написать «рыбу», по которой их корреспондент сделает статью для выходившей в СССР газеты для немцев. И тогда статья вышла. Но, если история спасения Веры была изложена правдиво, то о судьбе семьи невнятно, а точнее – лживо. Не хотели тогда, в 1975 году, признавать, что немцев Одессы преследовали за то, что они немцы. Будь то отец Святослава Рихтера, или рабочий человек Джозеф Мюллер.

Помню, с каким трудом я получил справку в партархиве, что в годы войны Анна Мюллер помогала подпольщикам, что слушала немецкое радио, записывала новости и передавала через Николая.

И всё же я признателен Агентству печати новости, они не только дали на первой странице газеты фото Анны Мюллер, но и сфотографировали Анну и Веру, спасительницу и спасённую.

После 1956 года собирались в этом доме все участники этой истории. Джозеф Мюллер прожил после освобождения недолго. Я его не знал. Но и с Хелен и с Жози дружил, с Эдгаром Штефаном и с Лииой Шац много общался...

Эвелина живет в Милане. Иногда в Москве, в бывшей квартире отца. Её мама похоронена в Италии.

А я, если иногда бываю в Прохоровском сквере, чувствую вину, что нет берёзки в память Анны Мюллер...

Знаю, что Шиндлер спас 1200 человек.

Мэр Черновиц – 20 000 человек.

Анна Мюллер спасла одного человека, ежедневно рискуя жизнью.

Анна Мюллер спасла Веру Гинзберг.

Вот о ней мне было важно напомнить 22 июня.

Доброжелательность как закон

Как и архив свой не вёл, так и фотографии не собирал. Запечатлено мгновение, но ведь уже живем в следующем. И лишь с возрастом начал ценить получаемые от друзей снимки, где нахожусь в кругу близких людей.

И вот вчера Татьяна Гершберг, жена моего друга Эдика Гершберга (по паспорту он был Илья Моисеевич, но для нас навсегда – Дик, Эдик), разбирая архив мужа, нашла и прислала мне снимок, сделанный, думаю, четверть века назад, у нас в комнате, на Черёмушках, где у книжного шкафа Лера Перлова, я и Муся Винер.

Как видно, первая девочка, которую я увидел, с кем познакомился, была Муся Винер. Моя мама дружила с этой семьёй, ещё с медицинского института. Константин Самсонович Винер, отец Муси, закончив институт, стал паталогоанатомом, его жена Наталья Вениаминовна Бульба стала врачом – лаборантом. Их дочь, Муся родилась на три недели раньше меня, 13 ноября 1936 года. Так что меня знакомили уже со взрослой трехнедельной девицей.

Шутки-шутками, но жили мы до войны на расстоянии квартала – мы на Островидова угол Тираспольской, сейчас там сталинка, Винеры на Тираспольской, 13 – между Островидова и Кузнечной. Так что вначале коляски возили рядом, потом выгуливали нас на Соборке, одни книги нам читали...

Казалось бы, война разбросала, но в 1945-ом, Винеры уже жили у себя в старой квартире, которую им при оккупации в целости и сохранности сберегла их довоенная домработница, ставшая членом семьи.

Конечно, я учился в мужской, 107 школе, Муся (чаще её звали Муха) училась в женской, 3 школе, но внешкольное время обычно проводили вместе.

Сколько раз мы слышали – «жених и невеста, тили-тили-тесто», но не смущало. С тех пор я всегда с уверенностью говорю, что дружба между девочкой и мальчиком возможна, совсем не обязательно при этом заниматься сексом.

Муси, увы, давно нет. И это одна из ран, что саднит.

Мы вместе поступили в Политехнический. Вместе окончили электрофак. Пожалуй, и увлечения были общие. Вместе готовили выставку к дискуссии в Политехническом о новом искусстве. Вместе составили самиздатовский томик Пастернака, отпечатанный в пяти экземплярах, сколько брала «ЭРИКА».

Кстати, у Мусиной тёти, Александры Самсоновны Винер была замечательная библиотека русской поэзии, Пастернак был любимым её поэтом, поэтому в наш самиздатовский сборник мы включили как стихи из «Доктора Живаго», которые я привёз из Москвы, получив в подарок от друзей, так и ранние стихи из коллекции Мусиной тёти.

Но Муся стала инженером, притом хорошим, я же ушёл в сторону, увлёкся литературой, журналистикой.

По распределению она уехала на три года в Мордовию. Как-то, будучи в командировке в Москве, я позволил себе сделать круг и залететь в Саранск, тем более, что мы оба решили, что обязательно должны посмотреть, как создают музей Эрзи, которого мы оба любили, знали, навещали, пока он жил и работал в подвале в Москве.

Но, конечно, притяжение Одессы было огромным. И Муся, отработав срок, вернулась домой. Сказать, что она любила море – ничего не сказать. Она была неутомимым пловцом. Сказать, что она любила походы...

Трудно было найти в нашем городе более доброжелательного, открытого человека. В её доме вечно кто-то жил. То друзья по турпоходам, то дети друзей, то оставшиеся без приюта мужчины или женщины.

А у Муси семейная история не сложилась. Была влюблена в одного моего друга, но он был женат. А лишь бы с кем-то соединять жизнь ей было не интересно.

Вокруг всегда друзья. И всё было хорошо, пока не обрушилась страшная болезнь. Пришлось ампутировать ногу. Но и тогда она не сдалась... Но это был краткий перерыв в болезни.

Конечно же, в школьные годы я был знаком, дружен с соученицами Муси по 3-ей школе. Чаще всего они бывали втроем – Муха, Лера Перлова и Фая Килимник. И Лера, и Фая жили на той же Кузнечной, что и я.

Сейчас Фая в Израиле, Лера в США, но – живы мы, и это прекрасно.

Лера Перлова, дочь университетского доцента, философа, у них в доме я впервые увидел полное собрание сочинений Плеханова, но главное, его читали, что-то в нём находили, что меня поразило.

Как это часто бывало в те времена Лера вышла замуж за моего соученика по 107-ой Юлика Биндера. И вновь общие интересы, увлечения. Помню, как Юлик из крошечной зарплат инженера выделял себе деньги на покупку картин у молодых одесских авангардистов...

Трудные были времена. Порой голодные. Уж точно – не свободные.

Но – весело мы тогда жили. И потому, что были молодые. И потому, что это была Одесса, море, доброжелательность друг к другу, как закон нашего круга.

Вот получил фотографию и захотел её оживить. Насколько сумел. А ведь уверен, что среди моих читателей есть те, кто дружил, был знаком с Марией Константиновной Винер, с Валерией Израилевной Перловой, да и со мной.

И о Борисе Нечерде

В шестидесятых-семидесятых годах для меня были два поэта в Одессе, не меньшие, а равные московским шестидесятникам.

На русском писал стихи Юрий Михайлик, на украинском – Борис Нечерда. И с тем, и с другим работал в молодежной газете, дружил.

Сегодня Боре Нечерде, Борису Андреевичу Нечерде исполнилось бы 80 лет.

Исполнилось в реальной жизни только 59. Он умер в январе 1998 года. Как могли, сокращали ему жизнь КГБ, Союз писателей, обкомы и горкомы.

Диссидент. Иронизирует над святым. Антисоветчик...

А он был поэтом милостью Божьей. Любил Украину больше, чем её официальные заступники. И откуда они выползают во все времена?

И Шевченковскую премию Борису присудили лишь ...посмертно.

А стихи живут.

Вот это мне сегодня напомнил Игорь Розов.

Думаю, его поймут, почувствуют и те, кто обычно читает только на русском.

«Набуває сили рок.
Тільки й чути: хеві метал.
Перебудем? Дулю з медом! —
імпотенція думок.
Набуває сили рок.
Замість розладів статевих,
спостережено в стратегів
імпотенцію думок.
Набуває сили рок.
До душевного угаву
покалічений «афганець»
довжить милицею крок...
Не в країні Лімпопо
втрата брата і сестри,
а в крайіні Імпопо
з роком – 83.
З перепою спить пророк.
Єрихон не вчує скрипки.
Боже правий, святий, кріпкий,
до кінця спотужни рок!
Ех... потенція думок...».

С Днем рождения, Борис Андреевич! Вам бы ещё воевать и воевать...

Человек Мира

Одного и того же человека нередко можно представить совершенно различно.

И чем больше неожиданных граней в человеке, тем он интересней.

Эти простенькие мысли пришли мне, когда решил написать о своем друге, человеке с десятком неожиданных проявлений, уживающихся вместе, дополняющих друг друга.

Сегодня Евгению Деменку пятьдесят лет.

Возраст зрелости? Возраст мудрости? А может, второй, третьей молодости?

Итак, кто же такой Евгений Леонидович Деменок? Кстати, мой соавтор в трёх книгах «Смутная алчба», для которых мы сделали этот двойной портрет, его и публикую с этим эссе.

Евгений Деменок – одессит.

В каждый данный момент жизни он может находиться в Нью Йорке, в Праге, на Кипре, в Черногории... Но, где бы ни был, он ощущает себя одесситом. Не только потому, что родился 5 июля 1969 года в Одессе, но потому, что воспринял дух этого города, стал частью его легенды. Путешествия Юрия Олеши по улицам города – это и его дороги, исхоженные детством...

Евней Деменок – вечный студент.

Было такое определение в дореволюционной России. Но я действительно не знаю среди современников другого человека, который так любил бы учиться. У него ЧЕТЫРЕ диплома о высшем образовании. И какие разные – институт инженеров морского флота и юракадемия, инархоз и Киево-Могилянская академия... А диссертацию он хотел писать по философии. Кто знает, может ещё напишет.

Евгней Деменок – предприниматель.

Я видел его в деле, когда он был коммерческим директором транснациональной нефтяной компании, когда в его сутках, расписанных по минутам, было 25 часов, иначе всё не успеть. Но в этом я не понимал ничего, а вот в одной из статей, что написал Деменок как-то прочитал:

«Я вспомнил, как в 2002 году в Одессе, на Фонтане сотка земли стоила 4000 долларов. Сумасшедшие деньги. А в 2007 году она уже стоила 40 000 долларов. Вобщем, купив участок в 15 соток, и подождав пять лет, просто лежа на диване, можно было заработать полмиллиона зеленых»

И я подумал, что ведь он мог. Так почему же не сделал? Во-первых, он не умеет лежать без дела на диване. А во-вторых, ему важен процесс работы, реализация планов, риск. Дело, а не накопление как таковое.

Евгений Деменок – sentimentalный человек.

Знаю, что у нас не в чести это определение. И тем ни менее рискую его употребить.

Женя любит детей. Не только своих трёх – Катю, Ваню, Евангелину. Но вообще детей. Когда-то, чуть ли не на первые заработанные деньги он создал детское кафе «Сказка», удивительный мир для малышей.

Да и проза, которую начал писать, во многом была предназначена детям. Не случайно в копилке его наград есть премия имени Корнея Чуковского.

Пожалуй, как и к детям, он относится к старикам... И всё же детей любит больше.

Евгений Деменок – меценат.

Вот уже одиннадцатый год существует при Всемирном клубе одесситов студия «Зелёная лампа». Её основали мы с Деменком. На его средства ежегодно выходит лучшая книга студийцев – то сборник стихов, то книга прозы.

Задуман была ещё одна студия – «Философский пароход», но, увы, не поплыл, философов в нашем городе меньше, чем поэтов.

Думая о культурном туризме в Одессе, Женя инициировал создание мемориальных досок любимому его писателю Юрию Олеше, Кириаку Костанди, Давиду Бурлюку. Сейчас скульптор Александр Князик работает над доской поэту-футуристу Алексею Крученых...

И здесь мы подошли к тому, что:

Евгений Деменок – исследователь культурного процесса в нашем городе.

Ни одна серьезная монография о русском искусстве Серебряного века не может уже обойтись без ссылок на исследования Деменка «Новое о Бурлюках», «Вся Одесса очень велика». Это сборники статей, о ключевых фигурах русского футуризма, это знакомство с огромным архивом Бурлюка, с творческим путем Сони Делоне, с литераторами пражского «Скита поэтов»...

Сейчас для издательства Евгений Деменок работает над книгой в серии ЖЗЛ о Давиде Бурлюке. Только вчера я прочитал 30(!) главу книги и могу утверждать, что это первая научная, достоверная биография человека, который ввел в литературу Маяковского.

Но Евгений Деменок – прозаик, а не только исследователь.

Одним нравятся его афоризмы и максимы. Другим его одесские рассказы из книги «Казус Бени Крика». Я считаю удачей его главы в коллективных романах, написанных студией. Но есть и объективные свидетельства – премия имени Паустовского, включение рассказа в короткий список бабелевской премии.

Евгений Деменок – коллекционер.

И это по любви. Собирает тех, кого любит.

Очень разных художников – Гегамяна и Фрейдина, Гусева и Жалобнюка. Начав изучать Бурлюка, собрал несколько его картин, рисунков.

Представление о коллекции Евгения Деменка можно получить сейчас в Музее современного искусства Одессы, где до 4 августа экспонируется его собрание картин.

Я радуюсь, что Женя увлекся творчеством Олега Соколова. Собрал его миниатюры, артефакты, уже написал статью о поэтическом творчестве Соколова. Кто знает – может один, может мы вместе возьмёмся за книгу о Соколове.

Опыт совместной работы у нас есть. Три года подряд мы интервьюировали одесских художников. Двадцать интервью в год. И вот эти шестьдесят интервью составили три тома «Смутной алчбы» – по сути панораму художественной жизни Одессы.

И это уже Евгений Деменок – просветитель.

Я мог бы ещё представлять Женю как книгочея, как путешественника, как философа.

Мне понравилась как-то его полемическая статья «Делать добро или бороться со злом».

Дилемма не из простых. И очень редко удаётся одному человеку делать то и другое. Приходится выбирать.

Я мог бы представить Евгения Деменка как члена Президентского совета Всемирного клуба одесситов...

Но ведь Евгению Деменку только пятьдесят лет. Последующие пятьдесят, возможно, посвятим его размышлениям о судьбах человечества в целом и одесского человечества, в частности...

Шучу. Мне приятно, что этот юбилей, день рождения дал мне возможность представить своим читателям такого человека.

И внятно сказать, что отношусь к нему с нежностью. И пожелать ему столь же успешно, плодотворно прожить следующие полстолетия.

Писательский архив Розенбойма

Сегодня я введу вас в писательскую кухню.

И повод достойный. 80 лет исполнилось бы Александру Розенбойму.

За три истекшие года издательство «Оптимум» выпустило 6 томов его сочинений, томик интервью с ним, а сейчас, как раз к 80-летию, указатель, тщательно и любовно составленный Сашей Дели.

По сути всё творчество Розенбойма прошло у нас на глазах. Было ясно, что за каждой его статьей, книгой – работа в архиве, десятки часов, проведенных в библиотеках над изучением периодики, встречи с знакомыми его героев.

Но одно дело – представлять, другое погрузиться в его лабораторию, кухню.

Жена Александра Юльевича как-то дала мне одну из папок его архива, в которой его записи, выписки, размышления о Юрии Карловиче Олеше.

Начато дело в 1968 году, последние записи в этой папке относятся к 1990 году.

Когда я впервые просматривал эти бумаги, я искал выписанные стихи Юрия Олеша. В своё время Таня Щурова и я составили до сих пор единственный томик его лирических стихов «Облако». Было желание переиздать, дополнив обнаруженными, поэтому искал их в записях.

А сейчас попробую показать, как работает писатель над книгой, задуманной как «Волшебник из Одессы» (Юрий Олеша).

Все начинается, конечно же, с чтения романа «Зависть», с рассказов, с «Трех толстяков».

На листах выписки из книг:

«Рассёк ЖЕЛТУЮ СКУЛУ яблока».

«Леля достала из кулька абрикос, разорвала МАЛЕНЬКИЕ ЕГО ЯГОДИЦЫ и бросила косточку».

Саша любит метафоры. Он не раз запишет для себя, что при жизни Олешу величали «король метафор».

А потом начинает складываться мир вокруг Олеша.

Мы все живем в одном городе. Некоторых его собеседников и я знал. Но говорил с ними не о том, не про то...

«Пинский направил меня к Барзошвили».

Думаю, многие мои читатели помнят скульптора, художника Барзошвили, Барзика, как мы его звали. Речь у Розенбойма не о нём, а о его отце.

А Пинский... Пинский в ресторане «Киев» руководил варьете. Он из старых одесских эстрадников. Розенбойм прослеживает их династию, куда входил и дуэт Таген (Таня и Генрих). И я знал эту пару. Они подарили мне свои воспоминания, сшитые в книгу, передал ей я исследователю одесской эстрады журналисту Саше Галясу.

Но при чём тут Олеша?

Оказывается, Пинский и Барзошвили дружили с Александром Джибелли. А тот входил в круг близких знакомых Олеша. Отец Александра Джибелли был крупной фигурой в старой Одессе – секретарь одесской судебной палаты. А сын – бильярдист, игрок, перед войной был метрдотелем в «Лондонской», где жил, приезжая на одесскую киностудию Юрий Карлович.

По вечерам, когда всё утихало, они садились за столик, брали коньяк и вспоминали...

Нашел таки Розенбойм и Барзошвили. И записал стихи, написанные им:

«Пред вами вот студент Джибелли,
Пол жизни он провел в борделе,
Пол жизни в карты проиграл,
А на науки он плевал.»

Поиски друзей, знакомых... Саша встречается с Татьяной Николаевой и получает стихи, ей посвященные, «Капризница», они не были опубликованы.

Саша получает ответное письмо из Киева от А. В. Лазурской и узнает, что первый рассказ гимназиста Олеси был подписан псевдонимом М. Малиновская (гимназистам не разрешалось публиковаться в прессе). Псевдоним – настоящая фамилия домработницы в доме Олеси, так что гонорар получила она, а Юра накопил всем девочкам сладости, которые и сам очень любил...

А вот запротоколированная Розенбоймом встреча с Валею Орловой и её мужем.

Детали быта. Привычки, чудачества... И новые адреса – братьев Мелисаррато и Вики Койфман... Адрес Степана Гавриловича Ляховского на Греческой.

И вновь беседа. С Ляховским, знавшим Юлу с 1912 года, ходившего на встречи «Зелёной лампы», запомнившим стихи Леонида Ласка:

«Ты ритмом Пушкина свой стих ударно меришь,
За это, друг Олеша, я тебя люблю,
Но до тех пор, пока в Катаева ты веришь,
В тебя поверить не могу»

Вот какие разборки, доходящие до дуэлей, случались там. Почему-то на нашей «Зелёной лампе» всё тише. «Настоящих буйных мало...».

Помнил Ляховский и фамилии девушек, за кем они тогда ухаживали. Назвал Полину Агушеву, сестёр Нелю и Дашу Зубовых. Зубовы жили в одном доме с Юрой, он на втором, они на первом этаже. И сообщил адрес Даши – на Военном спуске...

Естественно, через пару страниц читаю о встрече Розенбойма с Дарьей Зубовой, ей Олеша посвятил стихи «Письмо из степи».

И вновь содержательная беседа. Бывала Зубова у Олеси в Москве, водил он её на вечер Маяковского. Ностальгически вспоминал Одессу.

Как бы в подтверждение через несколько страниц Розенбойм переписывает в питерской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина письмо Юрия Олеси одесской поэтессе Эмилии Немировской, жене поэта Георгия Долинова:

«Милая Милечка! Нужно скорее переезжать в Москву! Довольно Одессы! Но с какой любовью и нежностью я вспоминаю об Одессе – о всем: о коллективе, о Пэоне 4,о, ХЛАМе, об университетских вечерах. Кончилась какая-то чудесная жизнь, молодость, начало поэзии, революция, любовь. Начиналась другая жизнь. Для меня это дырявая, испуганная жизнь...» Вот тебе и король метафор. Уже на всю жизнь запомню эти слова – «дырявая, испуганная жизнь» Как много это говорит о судьбе Олеси. Кстати, в этом же фонда Долинова, Розенбойм выписал поэтическую переключку Катаева и Олеси, которую мы, готовя книгу «Облако», не знали.

Покинув надоевший Харьков,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.